

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

АЛЕКСЕЙ ЛЮТЫЙ

РАБИН ГУТ

РАБИН, ОН И В АФРИКЕ ГУТ

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Рабин Гут

Алексей Лютый

Рабин, он и в Африке Гут

«Научная книга»

Лютый А.

Рабин, он и в Африке Гут / А. Лютый — «Научная книга»,
— (Рабин Гут)

Зачем ехать в отпуск за тридевять земель, когда можно путешествовать во времени. Только задорная троица ментов – кинолог Рабинович, омоновец Жомов и криминалист Попов -- заскучала после своих приключений в Камелоте и на Олимпе, как им выпал супербонус. Теперь им предстоит проявить свои недюжинные способности во время исхода евреев из Египта!

Содержание

ЧАСТЬ I	5
Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	28
Глава 4	39
Глава 5	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Алексей Лютый

Рабин, он и в Африке Гут

ЧАСТЬ I

Пришла беда – отворяй ворота

Глава 1

Нет, да что же они такое вытворяют?! Вы только посмотрите. Олухов таких когда-нибудь видели?.. Куда же ты бьешь, урод колченогий? Пас отдай. Отдай, гад, кому говорю!.. Ну вот, доводился...

– Мурзик, заткнись! Замолчи, говорю. А то телевизор выключу.

Вот всегда так! И сам ничего в футболе не понимает, и мне нормально посмотреть не дает. Ну скажите, где вы видели, чтобы за какую-нибудь команду молча болели? Да когда они, идиоты, такое делают, тут идохлый кот заорет. Впрочем, ладно. Попробую болеть потише. А то мой альфа-лидер и вправду шнур из розетки выдернет. Носом-то кнопку я еще нажать могу, а вот вилку в розетку вставлять не рискую. У меня, видите ли, хватательных конечностей нет, а пасть, как вы сами понимаете, она мокрая. Не дай бог, что-нибудь закоротит, а мне двести двадцать вольт в зубы получать не хочется. Впрочем, как и в любое другое место...

Здрас-с-сьте, приехали! Как это, кто я такой? Память совсем отшибло? Я – Мурзик, пятилетний кобель немецкой овчарки самых чистых кровей. А почему у меня имя кошачье, так это вы у моего хозяина спросите. Вон он, на диване сидит. Делает вид, что читает, а у самого меланхолия. Дней десять уже. Сидит, как «сникерсами» накормленный, и даже девок кадрить не ходит. Вечером меня за поводок по аллее за две минуты протащит и сразу домой бежит. Печаль на сердце у Рабиновича, видите ли...

Кто такой Рабинович?.. Вам что, в ветлечебнице трепанацию черепа на соседнем с котом операционном столе делали и ваши мозги с его перепутали? Я же сказал, он мой хозяин. На диване сидит и свой длинный нос ниже колен свесил. На шотландскую овчарку сейчас похож. Только окрас не тот. А вот глаза точно такие же печальные...

Откуда я знаю, почему он печальный! И вообще, что вы ко мне со своими вопросами пристаёте? У меня что, на лбу «09» написано?.. А я и не психую. Просто устал уже. Посмотрел бы я, если бы вам целыми сутками пришлось с брюзгой находиться, который только и делает, что жалуется или ворчит... Ах, вы меня понимаете? Говорите, что у вас в семье та же история. Ну что же, рыбак рыбака видит издалека, как бы мой хозяин сказал. Он у меня хоть и мент – причем до корней волос, вон и сейчас на диване в форме и с дубинкой сидит – но о-очень большой любитель разных поговорок. Иногда их даже сам выдумывает...

Все, хватит вопросов! Что вы прямо как следователь из седьмого кабинета. Он и в общении с друзьями после каждой фразы вопросы задает, даже если сам ответ знает. Теперь и вы туда же. Не нужно меня пытаться. Сам все расскажу. Выложу, как на духу, а вы уж потом сами решите, куда вы обратились, куда нужно, когда захотели со мной пообщаться, или вам лучше к психиатру пойти.

Начнем с начала. Меня зовут Мурзик. Фамилия – Рабинович. Длинноносый меланхолик на диване – это мой хозяин. Фамилия у него такая же, правда, с именем ему больше повезло. Зовут его Сеня, ну а в полном варианте – Семен Абрамович. Оба мы работаем в милиции... Да-да, в милиции! Так что о методах допроса знаем не понаслышке. Сегодня у нас выходной, вот

поэтому Сеня и бездельничает на диване, а я смотрю матч «Спартак» по телевизору. Точнее, смотрел, пока вы не появились. Но не будем о грустном.

Сразу скажу, историю нашей жизни пересказывать вам не буду. Конечно, интересного в ней много, но я об этом уже говорил и повторяться не хочу. Так что, если будет желание узнать, с чего все началось, загляните на книжные прилавки – там мои откровения имеются. Я же могу рассказать только то, о чем еще не знает никто (неужто рифма? Поэтом, видимо, с тоски становлюсь!).

Уже прошло без малого семь месяцев с тех пор, когда мы наконец-то вернулись домой. Зевс был водворен в надлежащее ему место, взбунтовавшийся Мерлин вернулся в объятия короля Артура, а мы – в свой отдел внутренних дел (ну чем не стихи?), где все стало вновь на свои места: Матрешкина засадили обратно на место дежурного, Кобелев (правильная фамилия!) опять самоназначился начальником отдела, Жомову позволили носить омовскую форму, а меня перестали выгонять на улицу. Ну а самым интересным было то, что никто из наших коллег не помнил о той путанице, которая совсем недавно в отделе царил.

Зато все прекрасно знали, что мы на работу почти на четыре часа опоздали. Жомову вlepили выговор, Андрюша отделался предупреждением, поскольку до того момента считался образцово-показательным сотрудником, а моего Сеню лишили премии. Наверное, в любое другое время Рабинович из-за этого вырвал бы последние волосы на голове Попова (не у себя же их от отчаяния драть!), но тогда на такую страшную для любого еврея кару – хуже может быть только концлагерь, и то об этом кое-кто мог бы поспорить – мой хозяин даже внимания не обратил. Более того, он умудрился даже свое обещание сдержать и бросившимся на амбразуру в здании ФСБ Жомову с Поповым по литру водки поставил. Сам тоже пил. Не облизываться же!

В общем, по возвращении на Родину мои соратники устроили настоящий гудеж, со всей соответствующей атрибутикой – разгромом кабака, мордобитием и распеванием удалых ментовских песен типа «Позови меня с собой». Утром все проснулись, собрались мчаться на поиски Зевса, вспомнили, что его уже нашли, снова обрадовались и продолжили любимое развлечение – поглощение водки. Правда, в этот раз оказались умнее и, несмотря на похмелье, заявили в отдел, написав заявления на отгулы. Подполковник Кобелев подписывать их не хотел, но, увидев бестолково-счастливые, опухшие морды троих друзей, решил, что будет лучше отправить их по домам, потребовав, однако, чтобы в форме по городу не шастали, честь мундира не позорили и плохой пример обывателям не подавали.

Рабинович от этого приказа ошалел. Для моего Сени отказ от милицeйской формы одежды был такой же трагедией, как для меня покраска шерсти гидроперитом, поскольку Рабинович других нарядов не признает. Он даже хотел обратно свое заявление забрать, лишь бы в отвратительном гражданском костюме на людях не показываться, но ради друзей одумался. Не бросать же их одних! Или пропадут, или Сенину долю выпьют, и еще большой вопрос, есть ли между этим разница.

Пили мои менты ровно три дня и три ночи. Хотя про ночи я приврал. Каждый вечер, ровно в девять часов, Жомова, где бы мы ни были, отыскивали жена с тещей и уводили домой. Под конвоем. При этом они клятвенно обещали моему хозяину и Андрюше, что Ваню им больше не видать, как своих ушей (тоже мне проблема! а зеркало на что?). Однако Жомов каждое утро совершал героический поступок, каким-то невероятным образом умудряясь сбегать из дома. Ну а к исходу третьего дня, когда у омовца с криминалистом кончились все «заначки», а прижимистый кинолог отказался их спонсировать, гулянка затихла сама собой.

Вы не подумайте только, что мой Сеня садист. Утром, по дороге на работу, он не поспешил купить каждому по бутылке пива, но не более того. Впрочем, друзьям лишнего и не требовалось, поскольку каждый из них понимал, что водки много, а с дежурства в лес не убежишь. Так у нас и начались серые рабочие будни. Жомов вернулся к себе в ОМОН, Попов зарылся в

любимой лаборатории, Рабинович, как всегда, уваливал от работы, а я заново обживал свою персональную вольеру.

Знаете, никто из людей не заметил того, как изменились мои друзья. Все-таки и загар у них появился, и лица обветренные стали. Даже двигаться они по-иному начали – больше легкости и пружинистости в походке. Спрашивается, откуда все это за сутки могло взяться? Ведь, несмотря на все наши похождения, мы даже двух дней в нашем мире не отсутствовали. Однако людям было и невдомек о таких вещах подумать, а вот мои соседи по вольерам – Рекс и Альбатрос – перемену во мне сразу уловили.

Я вам, кажется, говорил, что оба этих кобеля были восточноевропейцами. Не знаю, с чего уж они решили считать свою породу более аристократичной, но свое презрение ко мне старались подчеркнуть каждый раз, когда мы вместе оказывались, – нос воротили, фыркали презрительно, мои персональные метки залить пытались и вообще утрировали каждый мой поступок. Особое удовольствие им доставляло потешаться над моим именем. Уж как они только надо мной из-за этого не издевались. До того меня довели, что мне даже снится стало, как я их встречу в темной подворотне, когда рядом со мной хозяина не будет или Рабинович напьется и мне с этими вырожденками собачьи бои организует. Но это так и оставалось мечтами, а мне приходилось терпеть выходки наглых кобелей, делая вид, что ни Рекса, ни Альбатроса на белом свете вообще не существует.

Вот и в тот раз, когда меня Сеня в вольеру помешал, оба восточноевропейских недомка приготовились начать очередную потеху. Оскалили пасти в ехидных улыбках и собрались облить меня очередной порцией грязи, да так и застыли с раскрытыми пастьями. Уж поверьте мне, собаки не люди. А кобели – особенно! Рекс с Альбатросом мгновенно учуяли, как сильно изменился мой запах. Все-таки, как ни крути, посещение трех миров бесследно не проходит, и я в Англии, Скандинавии и Элладу опыта немало поднабрался. А у псов, да и у людей тоже после пережитых событий персональный запах меняется. Просто вы, хомо сапиенс, этого не замечаете. А вот мои извечные недруги восточноевропейские почувствовали изменения сразу.

Оба удивленно повели носами, словно отказываясь верить тому, насколько я стал другим за одни реальные сутки. Я им дал возможность спокойно это осознать, а затем слегка зарычал, показывая, что шутить больше не намерен и никакие хозяева или стенки вольеры не удержат моего праведного гнева в случае дальнейших издевательств с их стороны. Кобели это поняли и, поджав хвосты (господи, видел бы кто-нибудь мой триумф!), разбежались по углам своих клеток. Уяснили наконец, щенки слюнявые, что я не только их двоих, трех церберов разом загрызть могу!

С тех пор Рекс с Альбатросом ко мне не цеплялись и в любой ситуации старались от меня подальше. Видимо, эти глупые шавки боялись, что я на них зло за прошлые обиды вымещать стану, а я не стал. Я великодушный. Забыл все и помиловал. В общем, проблемы сами собой испарились. Казалось бы, живи, Мурзик, и радуйся, но не получалось. Потому как было одно существо, которое мне покоя не давало. Не догадываетесь?.. Правильно, московская сторожевая! Сколько я в попытках выть на Луну из-за нее себе горло загонял, пока мы в чужих вселенных мотались, сколько я берцовых костей в порошок изгрыз от тоски, что ее увидеть никак не могу, сколько луж слюней напускал, мечтая о ней, подсчитать не берусь. Теперь, казалось бы, мы дома и конец моим страданиям и разочарованиям, и сразу наступает хорошая погода... Но нет, появилась новая преграда: Сеня Рабинович. Ну, не хочет понимать, гуманоид несчастный, что существам иного вида тоже общение с самками требуется!.. Извините, от Горыныча таких оборотов речи набрался.

В общем, поначалу я терпел и лишь призрачно намекал хозяину на то, что с московской сторожевой повидаться хочу. Например, в сторону собачьего магазина, где мы с этой дамочкой встретились, поворачивал, вместо того чтобы домой идти. Или к проходившим мимо сукам

принюхивался, ну и на прочие уловки пускался, но Сене дела до моих намеков было столько же, сколько носорогу до нефтяного кризиса.

Я терпел долго. Очень долго! А затем беситься начал. Скандалы ему устраивал, есть отказывался, на улицу по ночам рвался, и наконец мой хозяин сообразил, чего именно мне хочется. Вот только объекты внимания перепутал! Вместо того чтобы помочь мне отыскать мою московскую сторожевую, он меня, гад, на случай с одной двухгодовой немецкой овчарочкой повел. Нет, я ничего не говорю, самочка приятная была. Вот только видеть ее я не хотел. Вежливо ее облаял и всем своим видом показал Рабиновичу презрение к его задумке.

– Да чего тебе тогда, гад, не хватает?! – обиделся мой Сеня. Естественно, объяснять я не стал.

И все-таки с московской сторожевой мы встретились. Однажды мне удалось кое-как Рабиновича затащить в тот самый собачий магазин, где я ее первый раз увидел. И надо же такому случиться, она была там. Я, естественно, бросился к своей ненаглядной и застыл на полдороге, осознав, насколько сильно она изменилась. То есть внешне девочка выглядела все так же, ни одна подпалина с места не сдвинулась, вот только теперь от ее жеманных манер меня едва на кафельный пол не стошнило... Царица Савская, е-мое! Да я, между прочим, с богами общался и подвиги совершал, пока ты тут со своими идиотками-подружками новые ошейники обсуждала. Ну и вороти от меня нос. Начхать я на тебя хотел!

И знаете, действительно начал. Прямо в ее ухоженный бок фыркнул. Ой, мать моя Жучка, что тут началось! Хозяин московской сторожевой такой лай на весь магазин поднял, что все собаки по углам шарахнулись. Дескать, не смейте, гражданин милиционер, своего большого пса к моей девочке подпускать. Справку от ветеринара принесите, прежде чем в магазин с таким животным заходить!..

Это кого ты, урод, животным назвал?! Да я тебя сейчас так обзову, что ты век потом с дерева слазить не будешь, шерстью обрастешь и кокосовые пальмы в средней полосе России искать станешь.

В общем, разозлился я тогда здорово и на московскую сторожевую, и на ее хозяина. Порвать обоих на британский флаг был готов, но пожалел. Все-таки неразумные они, жизни не видали. А с убогих чего возьмешь? Просто поругались мы немного (Сеня молодец, здорово тогда хозяина сторожевой осадил!) и разошлись, как в море корабли. Или как коты во время спада сексуальной активности. После этого я о московской сторожевой и не вспоминал. Вылечился.

Вся зима и часть весны прошли без приключений. То есть интересные случаи и в этот период моей жизни были, но не вижу смысла о них говорить. Обычные дежурства, патрулирование, пара-тройка задержаний да несколько конвоев. Вам о таких делах любой знакомый милиционер много чего порассказать сможет. Наверное, даже не хуже, чем я. А у нас только одно интересное событие случилось. И то ближе к концу апреля.

Попов влюбился!

Не верите? Вот и я тоже сначала не поверил. Дело как раз накануне Ваниного дня рождения было. Попова с Рабиновичем туда, естественно, позвали, я же остался даже без приглашительной открытки. Но это понятно. Жомов ведь не кобель (я говорю о принадлежности к виду, а не его манере поведения!), а меня с людьми за один стол не посадят. Единственное, что Ваня мог для меня сделать, – это поставить миску на кухне и какой-нибудь кусок покостлявее туда положить. Но я бы на это ни за что не пошел. Как представлю, что жомовская теща мимо меня целый вечер бегать будет и на миску такими глазами смотреть, словно банкир на кредитора, так у меня сразу шерсть на загривке дыбом подниматься начинает. Не знаю, как Ваня с ней живет, но я бы на его месте сбежал оттуда на третий день, поскольку просто боялся бы уснуть от того, что существовала реальная опасность оказаться ночью зверски покусанным. Поверьте, с нее станется!

Так вот у Жомова дома приготовления к его дню рождения шли полным ходом, а сам виновник торжества, как это принято у нормальных ментов, начал загодя справлять его на работе. Делалось это, как обычно, в каморке у Попова, громко именуемой криминалистической лабораторией. Мы с Рабиновичем туда первыми пришли.

Конечно, в обычное время посторонним, в отсутствие эксперта, вход в этот «храм» криминалистики строгойше запрещен. Но, во-первых, мы с Сеней не посторонние, а во-вторых, время было не обычное. Все-таки не знаю, как у остальных людей, но лично у Жомова день рождения раз в году бывает. В такой великий праздник полагается пить, а куда нам с бутылкой идти прикажете? К подполковнику в кабинет? Мне-то, конечно, это до лампочки, но вот мои менты не согласятся. Потому как знают, что Кобелев водку один за троих жрет!

У моего Сени дубликат ключа от лаборатории был. Он им дверь открыл и быстренько внутрь прошмыгнул. Я с торжественным видом внес следом пакет, надеясь вновь поразить друзей дарами «от Армена», но внутри лаборатории никого не оказалось. Пришлось выплюнуть пакет на пол и попытаться найти что-нибудь вкусненькое и не упакованное в жесть. Из этого ничего не получилось. Во-первых, в пакете, кроме одной бутылки и двух консервных банок, ничего не было. А во-вторых, нервный Рабинович тут же начал орать как резаный «фу» и «сидеть». Обычные его дурацкие выходки. Уши бы мои некупированные его век не слышали!

Долго в одиночестве мы не оставались. Почти сразу за нами в дверь поскребся Ваня Жомов, нагруженный куда тяжелее Рабиновича. Что, впрочем, и понятно: сегодня его праздник, ему и выставляться. Ну и последним, когда парочка алкоголиков уже устала ждать, пришел, наконец, Попов. Пустой и угнетенный. В последнее время Андрюша и так выглядел грустным, а сегодня и вовсе был мрачнее тучи.

– У тебя что, Андрюха, жемчужная гурами сдохла? – заботливо поинтересовался мой Сеня.

– Отвали, – огрызнулся Попов. – Наливай лучше.

Действительно, лучше, чем налить, Рабинович ничего придумать не мог. Это людям обычно и настроение поднимает, и языки развязывает, и атмосферу разряжает. Однако Попов, сколько ни пил, веселей не становился. Наоборот, с каждой рюмкой он становился все мрачнее и мрачнее. А после четвертой мне и вовсе показалось, что Андрюша сейчас плакать начнет – есть у людей такой функциональный сбой в работе зрительных органов. Ментам наконец это стало надоедать, и Сеня начал примериваться, какую именно из пыток инквизиции – дыбу или испанский сапог – к Попову применить, чтобы заставить говорить о проблемах, но тот сделал это без посторонней помощи.

– Сеня, – пробормотал Андрей, не поднимая глаз от стакана. – Вот скажи, что ты делаешь, когда девушка тебя избегает?

– Это смотря какая, – широко ухмыльнулся захмелевший Рабинович, в силу алкогольной заторможенности не сразу сообразивший, к чему Попов клонит. – Если, например, Наташка из комнаты для несовершеннолетних, то радуюсь. А если...

– Я не о том! – взмолился криминалист. – Вот представь, что ты ухаживаешь за девушкой, а она тебя и замечать не хочет. Что тогда делать?

– Я не понял. Жомов, ты слышишь?! – удивленно завопил Рабинович. – Похоже, наш монах влюбился! Наливай. За это надо выпить.

– Да подождите вы, – протестующе закричал Андрей. – Я о серьезных вещах говорю, совета прошу, а вы... – он обреченно махнул рукой, оборвав себя на полуслове.

Рука Жомова, уже наклонившая бутылку к первому стакану, застыла на полдороге, наткнувшись на преграду в виде ладони моего хозяина. Ваня удивленно посмотрел на него, но Рабинович этого не заметил. Он застыл словно статуя, в свою очередь не спуская совершенно ошалелого взгляда с Попова. Тот сердито шмыгал носом, старательно пряча от них

глаза, отчего постоянно встречался взглядом со мной, и я понял, что криминалист действительно вот-вот готов заплакать.

– Слушай, Андрюха, у тебя это в первый раз, что ли? – не скрывая недоумения, поинтересовался мой хозяин.

– Что «это»? – прикинулся дурачком криминалист.

– Влюбился, говорю, первый раз, что ли? – не отставал от него Сеня.

– Да нет, было однажды, – краснея до кончиков редких волос, ответил Андрей. – В седьмом классе.

– О-о, это, блин, круто! – заржал Жомов, словно лошадь из Авгиевых конюшен. – Тогда точно нужно выпить за то, что Поп у нас наконец мужчиной стал.

– Насколько мне помнится, мальчика мужчиной делает несколько отличная от влюбленности функция. Тебе вон для того, чтобы мужчиной стать, жениться пришлось, – осадил его Рабинович и положил руку Попову на плечо. – Рассказывай, Андрюха. Не слушай этого жлоба безмозглого.

Жомов хотел огрызнуться в ответ на Сенино оскорбление, но мой хозяин пнул его ногой под столом, и только тогда до омовца дошло, что дело действительно серьезное – пропадает друг! Эту проблему следовало решать немедленно. И первое, что нужно было сделать для этого, – выслушать несчастного влюбленного.

Как-то один англичанин, считающий себя очень умным, сказал: «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте!» Эх, жалко он уже помер, а то бы я посмотрел, как он голову себе от отчаяния о стену разбил бы из-за того, что про Попова книгу не написал. Куда там всем этим Монтекки и Капулетти до трагедии нашего Андрюши. Сравнить их все равно, что цирковую болонку вместе с Шарон Стоун номинантками на «Оскара» выдвигать. Но давайте обо всем по порядку.

Как вы знаете, наш Попов страшно поесть любил. Ну прямо, как медведь бороться. В те свои редкие выходные, когда с моим хозяином и Ваней Жомовым они водку не жрали, Андрюша тайком от всех пробирался в небольшой кафетерий и тратил спрятанную от матери заначку, пожирая центнеры пирожных. Обычно он предавался чревоугодию в одиночку, но в тот вечер увидел за соседним столиком девушку, занятую тем же самым. То есть поглощением центнеров пирожных. Причем любимого поповского сорта!

Вот тут Андрюша и влип. Забыв утрамбовывать сладости в свое бездонное брюхо, Попов раззявил пасть и глаз не мог оторвать от незнакомки. Он просто разум потерял, видя, как она глотает по половинке пирожного разом, успевая одновременно слизывать с пальцев крем. По его словам, зрелище было весьма эротичное... Кстати, этот человеческий термин нам, псам, абсолютно чужд. Ну подумайте сами, какая эротика может быть в облизывающей мозговую кость или обритой налысо сучке? Самке, если вам предыдущее название ухо режет!

В общем, Андрюша голову настолько потерял, что первый раз в жизни решил встать из-за стола и подойти к девушке знакомиться. Причем и это сделал крайне своеобразно – сцапал свой поднос со сладостями и пересел на свободный стул напротив девушки. А затем, глядя ей в глаза, принялся с удвоенной энергией жрать пирожные. Представляете себе зрелище? Куда там Квентину Тарантино с его «Криминальным чтивом»!

Так они и сидели пару часов, поглощая горы пирожных, пока у обоих глаза не посоловели. Ну, а после того, как жевать не осталось сил, оба решили назвать друг другу имена. Затем, как истый джентльмен, Попов отвез свой предмет обожания домой на троллейбусе, сам заплатил за билеты и спрятал в карман фантик от мороженого (по четыре порции сожрали по дороге!), на котором был записан телефон любимой. Через две недели, получив премию, он решился наконец позвонить и пригласил зазнобу в кафетерий. Так и началась их любовь.

– Ну, ты, Андрюха, свинья! – возмутился Жомов, когда Попов рассказал о премии. – Ты же, гад, нашу водку жрал и говорил, что у тебя маманя премию отобрала. А оказывается, что ты деньги на баб тратишь, вместо того чтобы их с друзьями пропивать!

После такого обвинения бедный Андрюша стал не просто красным, а ярко-малиновым и опустил голову так низко, что мне его лысую маковку стало видно. Честное слово, чтобы хоть как-то утешить, хотел его прямо туда и лизнуть, но потом подумал, как мне его волосы в рот попадут, и отказался от таких щенячьих нежностей.

Сеня, конечно, Попова в маковку лизать не собирался, но все-таки заступился за него. Мой хозяин вежливым матом заткнул омовца, упрекнув его в том, что он и сам деньги жене отдает, вместо того чтобы друзьям лишний пузырь поставить. А пока Ваня пытался сообразить, как объяснить холостому бабнику Рабиновичу разницу между женой и подругой, Андрюша уже продолжил свой рассказ, и Жомов просто забыл, о чем спорить хотел.

Так вот завязалась у Андрюши с Танюшей (так предмет его воздыханий звали) настоящая любовь. Стали они частенько по вечерам встречаться, а поскольку денег на нормальные порции пирожных для двоих у Попова не было, он ограничивался тем, что кормил зазнобу сдобными булочками, сам при этом истекая слюной от зависти, – на себя у него денег уже не хватало. Так и продолжалось до тех пор, пока однажды днем Андрюша случайно не увидел, как в их любимом кафе, за их любимым столиком, Танюша трескает их любимые пирожные в компании с каким-то огромным толстяком. Попов, хоть он и не слишком агрессивный мент, но такого святотатства стерпеть не мог: ворвался в кафе и сломал попавшийся под руки стул о голову толстяка.

– И что? – удивился Жомов. – Нормальный ход.

– Это был ее папа, – едва слышно произнес Попов.

Вы не представляете, что тут началось! Едва услышав, кого именно приложил стулом Андрюша, оба этих здоровых великовозрастных болвана разразились таким диким хохотом, что следователь из смежного с лабораторией кабинета – очень набожный человек – решил, что наступил конец света, а в лаборатории хозяйничает сам Сатана. Он упал на колени и не переставал молиться даже тогда, когда к нему в кабинет подполковник Кобелев заглянул. Естественно, следака тут же отправили к психиатру и он провалялся месяц в лечебнице, а потом еще целых полгода ходил туда на консультации и осмотры. Виновных в подрыве психического состояния сотрудников отдела тогда так и не нашли, списав травму следователя на переутомление. Но вернемся к нашим баранам (а как их еще назвать!).

Попов, естественно, воспринял смех друзей, как откровенное издевательство над главной трагедией всей своей жизни и решил уйти, обидевшись и обругав обоих матом, но до двери так и не добрался. Мой Сеня сумел-таки проглотить свой смех и, поймав Андрюшу у выхода, уговорил вернуться, попутно подзатыльником сменив смешливое настроение Жомова на более соответствующее ситуации. Ну а чтобы Попов окончательно успокоился, мой хозяин налил ему внеочередную порцию водки и, естественно, извинился. За себя и за того парня. Потом Андрей продолжил свой рассказ.

Танин папа приходил в себя довольно долго. Когда он смог наконец не только моргать глазами, но еще и говорить, немедленно вынес свой вердикт – с Поповым у них теперь вендетта, и мента, а тем более такого, он зятю видеть не хочет. Девушку заперли дома, не позволяя даже ходить в любимый кафетерий. А чтобы она не очень тосковала, пирожные оттуда коробками каждый день доставляли домой.

Андрюша не сдался. Он дежурил под балконом, надеясь хоть одним глазком увидеть свою зазнобу и убедить ее бежать с любимым. Не вышло. Балкон тоже заперли на замок. Тогда Попов досконально изучил распорядок дня ее родственников с одной-единственной целью – позвонить Танюше тогда, когда никого не будет дома. И этот нехитрый трюк сработал: любимая взяла трубку! Он обрадованно залепетал о том, как здорово они смогут жрать пирожные вдвоем на

необитаемом острове, но Таня не стала его слушать. Сказав, что честь семьи и здоровье папы для нее дороже двух пирожных, девушка повесила трубку. С тех пор, едва услышав Андриюшин голос по телефону, она нажимала на рычаг, не давая несчастному влюбленному даже слова сказать.

– Ну и что мне теперь делать? – с надеждой на то, что Сеня вмиг спасет его разбитую любовь, поинтересовался Попов.

– Тяжелый случай, – со вздохом ответил Рабинович (тоже мне, целитель разбитых сердец!). – Андрияха, я мог бы тебе посоветовать завалить ее цветами или пирожными, раз она их так любит. Мог бы предложить писать стихи и, влезая по балконам, прилеплять их скотчем к стеклам. Мог бы сказать, что, вымолив прощение у ее отца, ты вернешь Танюшину благосклонность. Но... Хочешь правду? – Андрей закивал, как китайский болванчик. – Забудь ее. Лучше в лаборатории своей химичь или займись рыбками. У тебя это здорово получается. А если и рыбки не помогут, купи порножурнал и трескай свои пирожные, глядя на него. Судя по тому, как твоя Танюша себя ведет, она тебя никогда и не любила. Ей просто нравилось пузо на халяву набивать.

– Точно-точно, – поддержал моего хозяина Жомов. – И радуйся, что так все получилось, иначе жениться бы пришлось. А этого я и врагу не посоветую, – Ваня вдруг испуганно посмотрел по сторонам. – Только Ленке моей этого не передавайте!..

Попов несчастными глазами обвел своих друзей, безмолвно спрашивая о том, есть ли хоть малейший шанс вернуть любимую. И, нарвавшись на четыре ледяных глаза, отрицающих любую надежду на благополучный исход, горестно вздохнул, следом осушив залпом стакан водки. В тот вечер Попов напился быстрее всех и свалился под стол еще до того, как кончилась водка. Другам пришлось тащить его домой на себе, а любовь Андрияшина тогда же приказала долго жить. По крайней мере, Попов о ней больше не заикался. Правда, даром для него такая трагедия не прошла. Андрей замкнулся в себе, целыми днями торчал в лаборатории и даже не поехал на Первое мая вместе со всем отделом в лес. Ужас! Халявную попойку пропустил. Никогда бы не подумал, что нормальный мент на такое способен...

Впрочем, какой он нормальный? После того как Андрияша в любви разуверился, его узнать невозможно стало. Ходил мрачнее тучи. Иногда даже с Кобелевым здороваться забывал. Да и остальные из нашей компании не лучше сделали. Жомов в последнюю неделю даже по улицам ходить бояться начал... Чего не верите-то? Да чтоб мне хвост купировали, своими ушами слышал, как он Рабиновичу говорил: «Блин, Сеня, я уже по улицам ходить боюсь. До того все опостылело, что, если какая-нибудь морда гражданская не так на меня посмотрит, убью на фиг. А потом посадят и не посмотрят, что я омоновец. Что делать? Может, тестя попросить, чтобы на своей машине меня до отдела довозил? Так тут ведь и литром в месяц не обойдешься!..»

Ну а на Рабиновича моего посмотрите! Где это видано – на дворе май, самая лучшая пора для человеческих случек, а он из дома свой длинный нос не высовывает?! Ну ни на что реагировать не хочет. Вон и телефон уже третий раз звонит, а Рабинович даже головы не повернул.

Пришлось гавкнуть несколько раз, чтобы его в чувство привести. Мой Сеня встрепнулся, словно догня, когда с нее мопс слез. Дескать, разве что-то произошло? Ну, извини, я и не заметила! Я еще раз гавкнул, призывая хозяина к порядку, и он наконец-то сообразил, что нужно снять трубку. А пока он шел к телефону, я наострил уши.

– Да, – буркнул Сеня. – Нет, не звонил... А я почему знаю? Я тебе не меняла на одесском рынке... Говорю, что не знаю... Хочешь, сейчас у Мурзика спрошу... Хрен с вами, приходите... Ну а куда я денусь? – трубка клацнула о рычаг.

Вот и все, что я услышал. Впрочем, и этого было вполне достаточно, чтобы понять – у нас будут гости. Можно, конечно, предположить, что это Сенины дядя Изя и тетя Соня с набором походных алюминиевых тарелок к нам решили из Одессы наведаться, но это было бы

фантастикой. Судя по тому, как мой дорогой хозяин со своим собеседником общался, гостями сегодня будут Попов с Жомовым, и Рабинович тут же подтвердил мое предположение.

– Закуску им приготовь, – недовольно пробурчал он, все же направляясь на кухню. – Нашли себе общественную столовую для малоимущих. Можно подумать, мне по сто баксов каждый день дают...

Эка вспомнил! Да с того момента, как моему хозяину психиатр сто долларов за «ложный вызов» в карман записал, уже семь месяцев прошло, а Сеня до сих пор простить себе не может, что этот столытник пришлось на три части делить. Вот и сейчас, все еще жалуясь самому себе на то, что друзья считают его племянником Чубайса, Рабинович принялся копаться в наших припасах... Эй, Сеня, «педигри» мой не трогай! Они же не пиво, а водку принесут.

– Отвали, Мурзик. Недавно жрал, теперь до вечера потерпишь, – как обычно, он неправильно меня понял. Впрочем, иного я и не ожидал. Не было еще такого случая в истории, чтобы хозяин пса с полуслова понимал. Не дано людям это. Уровень интеллекта не тот.

А Рабинович тем временем достал из тумбочки трехлитровую банку с четырьмя огурцами, плескавшимися в мутном рассоле, намертво затянутом пленкою плесени. Недоверчиво понюхав продукт, Сеня вылил рассол в раковину и принялся под краном промывать огурцы. Все четыре. Значит, сам он жрать не рискует и подсунет Жомову с Поповым в качестве закуски. В противном случае в тарелку положил бы только три. Ну скажите, кто он после этого?.. Правильно, Мария Медичи!

Следом за огурцами крайне сомнительного качества стол украсили несколько кусочков хлеба, которых даже мне на один зуб не хватило бы. К ним добавилась полупустая банка кильки в томатном соусе, а завершила натюрморт сковорода с остатками макарон по-флотски. Я чуть не поперхнулся. Ну, Сеня, щедрость твоя не знает границ!

К тому моменту, когда сервировка «праздничного» стола была закончена, в дверь позвонили. Сеня пошел открывать, пригрозив мне по дороге пальцем. Дескать, на стол не смей лазить! Да за кого ты меня принимаешь? Что же, я свинья последняя, чтобы у нищих ментов кусок изо рта вырывать? По-моему, на такое даже кот приبلудный не способен, а я, между прочим, благородных кровей.

Я оказался абсолютно прав, когда делал предположение о личностях и количестве прибывавших к нам гостей. Потоптавшись в коридоре и лишившись по вине Рабиновича башмаков, в комнату вошли Ваня с Андрюшей. Я хотел броситься к ним, чтобы поздороваться, но застыл на полдороге. Вы не поверите, но Попов счастливо улыбался! Вот так чудеса! Я уже пару месяцев вообще не видел улыбки на его лице. Ну, а уж счастливым он не был с того самого момента, как у них после трехдневной пьянки в честь нашего благополучного возвращения водка кончилась. Жомов был мрачен, и хоть это меня слегка успокоило. А то бы я решил, что жена наконец-то его из дома выгнала и он к нам жить пришел. Оба мента, судя по всему, явились с дежурства, поскольку приперлись в гости в форме и при оружии.

– Что случилось-то? – хмуро любопытствовал Рабинович, проходя вслед за друзьями в нашу единственную комнату.

– Скоро все узнаешь, – радостно пообещал Андрей и выставил на стол полтора литра «Столичной». Сеня присвистнул, удивленно переводя взгляд с Жомова на Попова.

– Я тут ни при чем, – поспешил откреститься от выпивки Иван. – Это Андрюха выставляется. И не говорит, по какому поводу. Если он свою Танюшу под венец уговорил идти, то полторашкой не отделается. Для такого дела нужно в стельку пьяным быть. Иначе прямо перед алтарем повеситься можно.

– Да отвали ты от меня с этой Таней, – судя по набору слов, Попов огрызался. Ну а если учитывать только интонацию, то он признавался в любви. Ни-ич-чего не понимаю, как бы сказал персонаж из моего любимого мультфильма.

Жомов с Рабиновичем, судя по их мрачному виду, понимали не больше моего. Да и не пытались что-либо понять. В последнее время ими властвовала такая апатия, что в любой клуб пофигистов их не только приняли бы без проблем, но и тут же бы выбрали почетными председателями.

Знаете, иногда мне казалось, что я знаю причину вечно плохого настроения моих друзей. Мне и самому порой становилось так грустно, что выть хотелось. Особенно нестерпимо было тогда, когда вечером, перед сном, я вспоминал, как мы с Жомовым ловили медведя в лесу под Стафордом или сражались с гиппогрифом в скандинавских горах, но совсем уж было тошно припомнить, как я на лесной поляне в Пелопонессе играл с Мелией. Как она там? Чем сейчас наша спасательница занимается?

Поначалу, когда наконец мы вернулись из странствий по трем мирам, найдя дом таким, каким его и оставляли, я радовался, как слюнявый щенок. Все вокруг мне казалось таким милым, родным и прекрасным, что ничего другого больше и не хотелось. Только мою миску, потертый коврик у кровати Рабиновича и привычную, любимую работу. А затем начали накатывать приступы грусти и раздражения. Особенно тогда, когда какого-нибудь, извините, обмочившегося алкаша из снега выковыривать приходилось, а он тебя при этом такими матюками накрывает, что поневоле думать начинаешь – и вот ради этого дерьма мы мир спасали?!

Нет, я ничего не говорю, на работе и до наших путешествий подобные истории случались. Даже похлеще бывало! Вот только после всего пережитого в чужих странах я на жизнь как-то иначе стал смотреть. Конечно, здесь, у себя на родине, мы делаем очень нужное и важное дело, мало чем отличающееся от поступков тех же рыцарей Круглого стола короля Артура, но иногда очень хотелось вернуться и посмотреть, как там без нас люди управляют. Честное слово, я бы даже эльфа в морду лизнул (и пусть, гад, в моей слюне захлебнется), если бы он вдруг передо мной появился!

В общем, страсть к странствиям намертво въелась в мою плоть. Думаю, с моими друзьями происходило то же самое. С Рабиновичем, по крайней мере, точно. Он-то не подозревает, что я умею читать, поэтому и не пытался от меня прятаться, когда, задумавшись, выписывал на чистом бланке протокола допросов женские имена: РОВЕНА, ИНГВИНА, НЕМЕРТЕЯ... Нет, он не гарем из иностранок собирался завести. Просто так же, как и я, вспоминал о наших странствиях и с каждым днем становился все мрачнее и мрачнее, пока не дошел до такого состояния, в котором сейчас и пребывает.

– Сеня, ты котенка кормить собрался? – весело поинтересовался Андрюша, кивая головой на скудную закуску.

– Нет. У меня сексуально-финансовый кризис, – буркнул мой Сеня, подозрительно оглядывая Попова с ног до головы.

– Это как? – не понял Жомов.

– Очень просто, – не меняя интонации, ответил Рабинович. – Кошелек открываешь, а там хрен!

Попов истерично захохотал, а Сеня с Иваном удивленно посмотрели на него. Я даже решил отодвинуться немного. Мало ли что! У Андрюши за последнее время столько потрясенный было, что он и с ума сойти мог, а мне как-то не хочется в руках полоумного жизнь свою закончить. Перед соседскими кобелями стыдно будет!

– Ты чего ржешь-то, бурдюк с салом? – Ваня буквально просверлил глазами Попова, но тот даже на такое оскорбление не обиделся. Люди добрые, да что же такое творится? По-моему, спасти нашего криминалиста срочно нужно.

– Да что вы морды скрючили, будто вас на дежурство вне очереди назначили! – возмутился наконец Попов. – Разливать сегодня кто-нибудь будет, или мне за это дело взяться?

– Ну уж это дудки, – Сеня мгновенно схватил бутылки со стола и, поставив две рядом с собой, откупорил третью. – Разливать никому не доверю.

Это тоже старая традиция. Когда-то давно, когда мой хозяин только с Поповым и Жомовым познакомился и они втроем выпивать начали, разливал водку тот, кто первым добирался до бутылки, но Сеня этот порядок быстро пресек. Он у меня точность и степенность любит, а тут выяснилось, что Попов никогда поровну ни в одну рюмку не разольет. Жомов же отмеряет точно, зато дозы делает излишне большими. К тому же Ваня оказался страстным любителем поговорки «между первой и второй перерывчик небольшой». Так же он относился к разнице между второй и третьей, а с его дозами бутылка на этом и заканчивалась. Причем происходило все за считанные минуты. Рабинович такого безобразия стерпеть не мог, спрятал однажды все бутылки и с тех пор разливает водку сам. Маленькими дозами и через большие промежутки. Вот и в этот раз он, по моим подсчетам, разлил точно по пятьдесят грамм.

– Поп, теперь, может быть, расколешься, зачем ты нас собрал? – закусив кислым огурцом (как только они в него лезут?!), поинтересовался Жомов.

– Мужики, помните, как мы в пещере у Мерлина эликсир готовили? – вместо ответа на Ванин вопрос Андрюша задал свой. – Помните, как кукушка тогда на яйцах орала?

– Ну еще бы, – грустно фыркнул Рабинович. – Ты ее еще тогда со своим будильником китайского производства сравнил.

– Не ее, а его, – почему-то обиделся Жомов. – Там самец был. Забывать уже начали, да? Берцом мозги прочистить?

– Себе прочить, – огрызнулся мой Сеня и посмотрел на Попова. – Ты к чему этот разговор завел? Душу потравить захотелось?

– Да нет же. Наоборот, – и, увидев, что друзья ничего не понимают, заявил: – Я в лабораторных условиях этот состав воспроизвел!

– Угу. А еще изготовил приворотное зелье, эликсир молодости и философский камень, – Сеня ехидно помог Андрюше вспомнить его алхимические достижения. – Какой лапшой еще нас пичкать будешь?

– Да не вру я! – взмолился эксперт. – Честное слово, после того, как ты мне посоветовал заняться чем-нибудь интересным, чтобы о Таньке забыть, я вернулся домой и зачем-то стал вещи свои разбирать. Хотя, какое там разбирать! Просто перекладывал с места на место, пока на серебряный крест не наткнулся. Взял его в руки и тут же все наши похождения в Англии вспомнил. А потом думаю, что мне терять? Вот и решил в нашей лаборатории попробовать эликсир воссоздать...

– И где же ты медведя поймал? – мой Рабинович просто не мог не язвить. – До ближайшего зоопарка бегал или посылторгом из тайги выписал?

– Тут ты прав, – улыбнулся Андрюша. – С некоторыми ингредиентами были проблемы. К тому же я долгое время просчитать не мог, какая разница, например, между живым медведем, пойманным на вершине сосны, и простым медвежьим мясом. А потом все же сообразил! Подумайте сами, напугав медведя, мы вызываем у него резкий приток гормонов, в том числе и адреналина в кровь. Кроме того, когда зверю приходится балансировать на тонкой ветке, его мышечные ткани насыщаются кислородом...

Тут Андрюша понес, а мы слушали, открыв рты. Полностью пересказывать его объяснения я не буду. Во-первых, не запомнил, а во-вторых, и помнил бы, все равно не стал бы повторять. Это, извините, секрет фирмы. Скажу лишь, что для того, чтобы получить доступные и заменить прочие ингредиенты мерлиновского зелья, Андрюше пришлось изрядно поработать. Например, связаться с Академией наук и буквально клещами вырвать у них полный список веществ, из которых может состоять мясо медведя, пойманного на вершине сосны, а затем изготовить эти вещества в лабораторных условиях.

В общем, эксперт наш старался изо всех сил, иногда оставаясь в лаборатории даже на ночь. Он пыхтел и мучился, делал многократные анализы того, что получалось, а затем все переделывал заново. И вот, как считал сам Андрюша, эликсир был готов. Попов вполне убе-

дительно доказал это, хотя под конец пространной речи его язык начал заплетаться. Все-таки к тому времени мои менты уже третью бутылку почали.

– И что это даст? – грустно хмыкнул Рабинович.

– Как «что»? – возмутился оскорбленный алхимик-самоучка. – Мы же теперь можем спокойно в Англию сгонять, отдохнуть там немного и назад вернуться. Представляете, месячный отпуск, а тут и суток не пройдет?!

– Траванемся на хрен! – заявил Жомов, но то, как звучал его голос, мне крайне не понравилось.

– Не отравимся. Я тестировал. Никаких смертельно опасных для организма веществ эликсир не содержит, – уверенно заявил Попов и осторожно достал из-за пазухи армейскую фляжку. – Вот он! Давайте попробуем. Что нам терять?

– Голову, – усмехнулся мой Сеня. – Хотя именно ее мы уже давно потеряли, – и поймал меня за ошейник. – Мурзика тут я не оставлю!

Да вы что, охренели, что ли?! Я, конечно, тоже не против в Англию смотаться, но не при помощи же алхимика с техническим образованием. Одумайтесь, люди! Ведь дров наломаете!!!

Я дернулся, пытаюсь вырваться, но Рабинович держал меня крепко. Свободной рукой он забрал у Попова фляжку и поднес ее ко рту. Я хотел завывать, но в этот момент все вокруг переменялось. Комната превратилась в негативный кадр, в голове у меня что-то лопнуло, и я почувствовал, что теряю сознание. Все, допрыгались!..

Глава 2

Что-то шершавое, сухое и чрезвычайно колючее коснулось щеки Рабиновича. Пахнуло жаром, как из перегретой духовки, ветер взъерошил волосы, злорадно запихивая в них какую-то скрипучую гадость. Сеня терпел, опасаясь, что если он откроет глаза, то пара дорожных катков, усиленно старающихся разъехаться друг с другом в его голове, тут же столкнется и разнесет вдребезги его умную черепушку. Мозги он тогда в чем будет носить? В авоське? Однако, когда подлый ветер попробовал запихать скрипучей гадости ему в рот, Рабинович не вытерпел и решился открыть глаза, чтобы иметь возможность дать хоть кому-нибудь в рыло за все эти жуткие неудобства. Открыл, на свою голову!

Сеня лежал на дне неглубокого песчаного карьера. То есть это сначала он подумал, что лежит в карьере, и, не успев даже толком выругать матом того, кто его сюда затащил, от удивления вскочил на ноги, принявшись ругаться матом просто так. Безадресно. Ну, а что еще делать, если вокруг одна пустыня, далеко на горизонте горы, фыркающие дымом, словно котельная хрущевской постройки, а душа настоятельно просит кого-нибудь срочно убить. Ну, может быть, не кого-то, а конкретного человека. И не убить, а кастрировать. Хотя и это бесполезно, поскольку искомому человеку половые признаки все равно ни к чему!

Сеня посмотрел по сторонам и нашел того, кого так страстно желал препарировать, – Андрюшу Попова. Эксперт-криминалист лежал на склоне бархана головой вниз. По начинающейся лысинке толстяка лениво полз скорпион, видимо, тщетно пытаясь найти себе какое-нибудь укрытие среди его чахлой волосистой растительности. Рабинович злорадно усмехнулся, отстегнул от пояса дубинку и, тихо подбравшись к Андрюше, со всего маху прихлопнул ею скорпиона у него на голове. Попов заорал, как хряк подколотый, перевернулся через голову и, вскочив на ноги, принялся размазывать липкие остатки насекомого у себя на голове.

– Правильно, Андрюша, правильно, – злорадно ухмыльнулся Рабинович, глядя в совершенно бессмысленные глаза друга. – Втирай получше, это масса белковая. Глядишь, и на голове растительности добавится. В виде скорпионьих клешней.

– Ты кто? – наконец Попов остановился, а Сеня от этого вопроса едва на задницу не упал.

– Я кто? – удивленно переспросил он криминалиста.

– А ты где? – не успокаивался толстяк.

– Я где? – Рабинович понял, что через пару секунд или сойдет с ума сам, что, судя по всему, случилось с Поповым, или удушит того своими руками.

Но Андрюша вовремя успел активизировать ресурсы организма и, часто заморгав, потер глаза руками. Сеня терпеливо ждал, великодушно давая другу возможность осмотреться и повеситься самостоятельно на ближайшем саксауле, но Попов такой щедрости не оценил.

– Мы где? – хлопая длинными девичьими ресницами, задал он новый вопрос.

– В Караганде, – обреченно буркнул Рабинович и все-таки опустил в песок на пятую точку. – Здравствуй, мир моей мечты! Я не знал, что это ты.

Андрюша растерянно посмотрел на кинолога, совершенно не понимая, о чем тот говорит, а потом, ежесекундно вертясь, словно грешник на сковородке, принялся любоваться окрестностями. Посмотреть действительно было на что! Вокруг на многие километры простиралась безжизненная пустыня. На горизонте, далеко на западе, всю кочегарили горные пики, создавая призрачную иллюзию родного урбанистического пейзажа, а растительности было столько, что Мурзик непременно бы оконфузился, прежде чем нашел хоть какой-нибудь куст, на который нужду можно справить. Ну где в средней полосе России такую красоту увидишь? Кстати, на пейзажи древней Англии это тоже совершенно не было похоже.

– Блин, похоже, я чуть-чуть ошибся, – пересохшими губами прошептал Попов.

– Да, Андрюша, самую малость, – согласился с ним Рабинович. – Но это ты Жомову скажешь, когда он очнется. Кстати, право сдать его в эксплуатацию я торжественно тебе предоставляю. Посмотрим, как ты красную ленточку перережешь.

Попов испуганно оглянулся по сторонам, выискивая глазами грозного омовца, а найдя, горестно вздохнул. Жомов лежал между двумя барханами, у восточного конца ложбины, закрывая ее от ветра, словно Матросов амбразуру. Ванечка мирно храпел, причмокивая губами, и не замечал того, что уже почти наполовину был занесен песком. Мурзик покоился у него на груди, также ничем не выказывая того, что хочет приходить в себя. Сеня грустно вздохнул.

– Вот ведь отлично помню, что держал кобеля за ошейник, – обиженно проговорил он. – Но никак не пойму, отчего этот собачий сын, предатель проклятый, все время у Жомова на животе потом оказывается. Что ему там, ливерной колбасой, что ли, намазано?

При упоминании о еде Попов судорожно сглотнул и нервно облизнулся. Стоило Андрюше только вспомнить, что с обеда у него и тарелки шей во рту не было, как желудок протестующе завыл, требуя немедленных пищевых вливаний. Или всыпаний, если кому-нибудь нравится есть песок! Желудок Попова кремнесодержащие культуры не считал удобоваримыми, поэтому принимать песок отказался, выразив протест подобным издевательствам в самой громкой форме. Попов икнул.

– Уйми свое бездонное брюхо и иди Жомова будить, – сердито буркнул Сеня. – Иначе, если он сам проснется, я за твои жирные окорока и монгольского тугрика не дам.

Андрюша хотел что-то возразить, но, наткнувшись на холодный взгляд своего товарища, обреченно опустил голову и, загребая песок ногами, поплелся в сторону спящего омовца. Он не дошел до Вани нескольких шагов, как вдруг Мурзик, видимо, видевший во сне приближающегося бандита (а чем Попов теперь от этих гадов отличался?), встрепнулся и, испустив жуткий вопль, рванулся в сторону Андрюши. Криминалист, не ожидавший такого подвоха со стороны четвероногого друга, испустил еще более громкий вопль и, отшатнувшись назад, плашмя упал на бархан, оставив в его утрамбованной поверхности отпечаток своего тела глубиной около полуметра.

– Так тебе, – прокомментировал ситуацию Рабинович. – Если даже мой пес тебя готов сожрать, то от Ванечки пощады и вовсе не жди. Он из тебя шашлык сейчас делать будет. Кстати, еда нам пригодится. Поскольку, судя по всему, до ближайшего жилья мы и через месяц не доберемся. Если доберемся вообще.

– Да что вы ко мне пристали! – жалобным голосом взмолился Андрей. – Я же не нарочно вас в пустыню закинул. Я как лучше хотел. Вы же сами путешествовать решили. Откуда я знал, что такая ошибка получится.

– Ой, не гунди, экспериментатор, – криво усмехнулся Рабинович. – Первый раз после твоего эликсира мы в снегах оказались, а вот теперь в пустыне. Надо мне было понять, что ничего хорошего из твоих опытов получиться не может. А чтобы в следующий раз я этого не забывал, завтра же сделаю тебе татуировку на лбу – «дебил»!

Мурзик тем временем перестал озиаться по сторонам и, обиженно тявкнув (видимо, туалета не нашел), подбежал к Рабиновичу и уселся около него, укоризненно глядя на Попова. От этого взгляда Андрюша окончательно упал духом и едва нашел в себе силы, чтобы продолжить процедуру извлечения Ивана из забвения. Подойдя к омовцу, он осторожно тронул его за плечо.

– Вань, Ваня, просыпайся, – ласково проговорил он. Рабинович фыркнул.

– Ты ему еще скажи, что в школу идти пора, – дружески посоветовал он.

– Да пошел ты... мацу готовить! – не выдержав издевательств, рявкнул на него Андрей. В ответ Сеня плотоядно облизнул губы, и у Попова вновь от голода скрутило живот.

Тихо выругавшись, Андрюша принялся тормошить Жомова. Однако тот, видимо, пригревшись в песке, никак не хотел просыпаться. Он что-то бормотал, отбрыкивался и едва своим здоровым кулачищем не своротил Попову нос, но отделаться от навязчивого криминалиста омоновцу так и не удалось. Решив, что спокойно досмотреть мультики ему так и не дадут, Жомов резко сел и лишь затем открыл глаза. Попов, ожидая вполне заслуженной оплеухи, торопливо отодвинулся на почтительное расстояние. Вот только ничего страшного не произошло.

– Класс! – оглядываясь по сторонам, восхищенно проговорил Ваня. – Получилось, блин! Поп, иди сюда, я твою лапу пожму.

– Ванечка, ты ничего вокруг не заметил? – вкрадчиво поинтересовался Рабинович.

– А чего? Хороший песок, – зачерпнув пригоршню желтой пыли, пожал плечами омоновец. – Всю жизнь мечтал в рабочее время на пляже поваляться.

– Ах, хороший песок? Ах, на пляже поваляться?! – взорвался Сеня. – Ну так я тебе скажу, что если это пляж, то я муэдзин бухарский!

Жомов с сомнением посмотрел на него. Насколько он знал, у муэдзинов всегда была жиденькая борода. У Рабиновича ее не было, значит, за вышеуказанного религиозного деятеля он не катил. Ваня попытался понять, в чем тут подвох, а Сеня тем временем продолжал орать.

– Где ты тут видишь море? Где ты тут вообще что-нибудь, кроме песка, рассмотрел! – истошно вопил он. – Этот жирный недоумок, – Рабинович обвиняюще ткнул указательным пальцем в сторону несчастного криминалиста, – собирался нас в Англию отправить. Ты мне скажи, это Англия?

– Чего ты ко мне прикопался? – рывкнул в ответ омоновец. – А я откуда знаю, Англия это или Багдад? Я тебе не автограф какой-нибудь, чтобы на такие вопросы отвечать!

– А при чем тут автограф? – оторопел от такого откровения Рабинович.

– Ну, это ведь они страны на карты наносят, – пояснил дураку-еврею Жомов. – Ты что, кроссворды не отгадываешь?

– У-у-у-у, – завыл Сеня, охватив голову руками, и Мурзик от такого наглого покушения хозяина на собачьи права и обязанности едва не проглотил собственный язык, до этого спокойно свисавший из пасти. Остальные просто озабоченно молчали.

– Идиоты. Одни идиоты вокруг. Это не Англия. В Англии пустынь нет. А ты не автограф. Но не потому, что карты составлять не умеешь. Автограф – это подпись на бумаге. И если бы ты ею был, я бы сейчас тобой Мурзику под хвостом вытер, – обреченно заявил Рабинович, когда наконец устал выть. – Зачем я только с вами связался? Говорил же мне дядя Изя: «Больше всего бойся щедрых русских. Стоит только их о чем-нибудь попросить, они тебе дадут столько, что унести этого никогда не сможешь, а бросить будет жалко». И что я его не послушал? Попросил я у вас приключений, вот и получил на всю катушку. Теперь сдохнем в пустыне втроем, думая, кого первым сожрать.

– Да ладно тебе, – Жомов подошел к другу и ободряюще похлопал его по плечу. – Херня все это. Прорвемся, как наш комбат говорил до того, как из окружения не вышел. Главное, что у Попова все получилось. А то, что он промахнулся, так это не беда. Мерлин вон и то сначала попал не туда, куда собирался.

– И все знают, чем он потом закончил, – буркнул Рабинович, постепенно приходя в себя, и вдруг застыл.

– Вот оно! – радостно воскликнул он, вскакивая на ноги. Друзья удивленно вытаращили глаза, не понимая перемены в настроении кинолога. Он пояснил:

– Мозги напрягите! Мерлин попал к нам вместо того, чтобы оказаться в Палестине. Там пустыни, камни и минимум растительности. Здесь – то же самое. Значит, направляясь в Англию по его рецепту, мы попали именно туда, куда он и собирался. То есть в Палестину, –

Сеня, сориентировавшись в пространстве, уверенно направился на запад и, махнув рукой, позвал следом друзей. – За мной. Теперь я знаю, куда идти.

– А почему не в противоположную сторону? – поймал его за руку Жомов.

– А потому, Ванечка, автограф ты мой писанный, – язвительно пояснил Рабинович, – что Палестина находится на восточном берегу Средиземного моря. Значит, для того, чтобы выйти на побережье, где, естественно, люди живут, нам нужно идти на запад!..

Опровергать это утверждение Жомов, естественно, не взялся. Поскольку, как признался сам, в географии не разбирался. Попов же, хоть и не был уверен в том, что Сеня правильно определил их местоположение, спорить с кинологом не стал. Потому как себе дороже. К тому же Андрюше было абсолютно все равно, в каком направлении идти, лишь бы быстрее добраться до какой-нибудь субстанции, которую согласится принять в себя его бунтующее брюхо.

Единственным, кто был категорически против выбранного направления, оказался Мурзик. Некоторое время он сидел и смотрел в спину уходивших людей, не двигаясь с места, а затем догнал их и, уцепив Рабиновича за штаны, попытался его остановить. Сеня удивленно посмотрел на своего пса, совершенно не понимая, отчего он бунтует, словно висельник на галере, а затем, присев на корточки, начал подробно объяснять Мурзику правила хорошего тона. Пес несколько секунд внимательно слушал его, а затем, выплюнув штанину из пасти, молча пошел в выбранном хозяином направлении.

Дорога получилась нелегкой. Вопреки понятиям ментов о том, будто пустыня должна быть идеально ровной поверхностью, та конкретная, по которой они шли, оказалась просто усеянной барханами. Причем настолько, что напоминала скорее застывшее бурное море, чем отлогий пляж. Вдобавок ко всему подлые барханы, выглядевшие такими твердыми и нерушимыми, начинали тут же осыпаться под ногами, стоило лишь кому-нибудь из друзей подняться до их середины.

Сколько времени трое мучеников бороздили пески, временно заменяя в окружающем пейзаже караван верблюдов, сказать никто из них не мог. Однако этот марш-бросок должен был когда-нибудь закончиться. Даже неутомимые Жомов с Мурзиком начали сдавать. А уж что тут говорить о Попове, с кителя которого буквально лился на песок пот? Наконец, поднявшись на очередной бархан, Андрюша не выдержал и упал на проклятуший песок лицом вниз.

– Все, больше не могу, – повернув шею в сторону друзей, прохрипел он. – Если хотите, делайте из меня шашлык, но с места я больше никуда не двинусь!

– Теперь-то ты осознал степень своей вины? – прокурорским тоном поинтересовался у него Рабинович, выглядевший едва ли лучше толстяка.

– Осознал, каюсь, – ответил Андрюша, не поворачивая головы. – Готов отказаться от половины своей порции водки на трех подряд пьянках, только вытащите меня из этой проклятой песочницы!

– Заметано. Кстати, тебя за язык никто не тянул, – усмехнулся Рабинович, опускаясь на песок рядом с изможденным экспертом. – Ну что, мужики, нагулялись уже по иным мирам или продолжим путешествие?

– Ни за что, – тут же ответил Попов.

– Что-то слишком большой пляж получился, – соглашаясь с ним, кивнул головой Жомов. – Я бы голову тому уроду оторвал, кто так бездарно планировки мест отдыха делает.

– Недозрелый умок, что вешний ледок, – горестно вздохнул Сеня. – А Ивановы мозги хуже крошева шуги.

– Сам ты дурак, Рабинович, – буркнул в ответ омоновец. – Я же пошутил.

– Тогда в следующий раз, прежде чем соберешься шутить, предупреждай, что ты делаешь, – устало посоветовал кинолог другу и второй раз за день замер, уставившись из-под ладони куда-то вдаль. – Мужики, что это там такое? – и, прежде чем кто-нибудь успел ему ответить, заорал: – Караван!

После своего вопля Рабинович, естественно, с места сорвался первым. Следом за ним старт взяли и остальные участники забега. Причем, к удивлению друзей, Попов, недавно умиравший от изнеможения, уже через двадцать метров обошел и тяжеловесного Жомова, и самого Рабиновича. Неизвестно, откуда у ленивого толстяка взялись силы, но бежал он прытко. Впрочем, как и остальные! Менты мчались вперед, навстречу каравану, словно стая сайгаков, по ошибке отпущенная из зоопарка на волю где-то в районе Северного полюса. Причем у Попова хватило мощности не только для того, чтобы бежать. Он смог даже размахивать руками и истошно орать, сметая взрывной волной своего крика гребни с барханов.

Сене показалось, что до каравана оставалась примерно сотня метров. Он уже мог отчетливо рассмотреть погонщиков верблюдов в странных нарядах, полосатые тюки на спинах животных и бурдюки с воделенной водой, свисающие вдоль горбов. Ментов, приближающихся к каравану, погонщики тоже никак не могли не заметить, но, несмотря на это и истошные вопли Андрюши в придачу, аборигены никак не реагировали на приближение ментов.

– Стоять, суки! Стрелять буду! – наконец не выдержал Жомов.

Он выхватил из кобуры пистолет и вскинул руку с ним вверх, готовясь произвести, согласно Уставу, предупредительный выстрел, но тут караван пропал. Просто взял и испарился, будто не существовал никогда. Оторопевший Попов резко затормозил и мгновенно заткнулся. Сеня врезался ему в спину, сваливаясь на песок, а Жомов, не сумев перепрыгнуть через туши друзей, зацепился за них ногой и головой зарылся в бархан. Когда омовцу удалось выбраться и выплюнуть изо рта часть пустыни, первое, что он увидел, так это Попова, тоскливо смотревшего вдаль.

– Доорался, Ваня? – не поворачивая головы, поинтересовался он. – Ты же караван спугнул. Что теперь делать будем?

– Попов от голода малость сбрендил, – утешил оторопевшего омовца Рабинович. – Дураки мы. Не караван это был, а обычный мираж!..

Сеня дышал тяжело, словно бык после неудачно проведенной корриды. Жомов все еще плевался песком, а Андрюша, не обращая на них никакого внимания, продолжал стоять посреди пустыни, словно перекормленное пугало для бедуинов. Впрочем, никто из друзей не мог сказать, есть ли тут бедуины или эти пустыни населяют иные братья по разуму, вроде татаро-монголов. Рабиновичу, по крайней мере, одежды караванщиков из миража показались похожими на те, которые они недавно видели в античной Греции, только были они более длинными и плотными. Он, правда, не знал, как одевались люди в той Палестине, куда так стремились когда-то Мерлин со спутниками, но почему-то был уверен, что наряды караванщиков вполне соответствовали этой эпохе.

– Мужики, похоже, я не ошибся, – поделился он догадками со своими друзьями. – Мы в Палестине.

На эту реплику никто и никак не отреагировал, поскольку и Жомову, и Попову было абсолютно безразлично, Палестина вокруг или Бухара времен Чингисхана. Андрюша умаялся и проголодался до того, что начал выискивать в песке следы заблудившихся ящериц, а Ване просто было наплевать на географию. Главный армейский принцип – поближе к кухне, подальше от начальства – намертво въелся ему в кровь. И, несмотря на то, что Жомов обедал куда с меньшей тактовой частотой, чем та, которой славятся мониторы «Самсунга» и бездонный кишечный тракт Попова, сожрать какого-нибудь заблудившегося кабана Ивану все же хотелось. Вы ему только поймите в пустыне кабана, а уж он потом покажет, как его следует есть: с зубовным скрежетом и песочным скрипом!

– Так что ты там, Сеня, говорил о прекращении путешествия? – поинтересовался омовец, освобождаясь от еще одной порции стройматериала во рту. – Такси хочешь вызвать?

– Ага. С черным крепом снаружи и спальным местом внутри, – огрызнулся в ответ Рабинович, уставший ползать по барханам не меньше остальных. – Мужики, я, конечно, не меньше

вас хочу посмотреть на Палестину, но такой прелести, как здесь, – Сеня зачерпнул песок обеими горстями и подбросил его вверх, – мы и дома можем сколько угодно на любом пляже наглотаться. Может быть, вернемся назад и попробуем там поиграть в песочнице?

– А как мы вернемся? – удивленно поинтересовался Жомов.

– Нет, Иван, не зря тебя в ОМОН взяли! – Сеня даже не поленился встать и похлопать Жомова по плечу. – Такие крепкие, деревянные ребята там нужны, – а затем рывкнул:

– Где фляжка с этим гребаным зельем?

– А я откуда знаю? – Ваня придал своим глазам максимальное сходство с идеально круглыми сферами.

– Поп?!

– У Жомова спрашивай, – не отворачивая головы от того места, где совсем недавно красовался предательский мираж с едой, ответил криминалист. – Он последним пил.

– Ну да, – в ответ на испепеляющий взгляд Рабиновича пожал плечами Иван. – Только фляжки у меня нет. Она у Попова к поясу ремешком была пристегнута.

– Чего? – толстяк даже подскочил на месте от такого бреда. – Ты, бык педальный, не помнишь, что я ее из внутреннего кармана кителя доставал? Как она могла быть к поясу пристегнута?

– А каким же манером она у меня тогда из рук вылетела, будто кто-то за веревочку дернул? – изумился омоновец. – Я что, не помню? Пьяный был, по-твоему?

– Приехали, – констатировал Рабинович, падая на склон бархана. – Прибытие следующего поезда «Буря в пустыне» ожидается через тысячелетие. Желающих воспользоваться альтернативным видом транспорта просим обращаться к Саддаму Хусейну. Его крылатые ракеты отправляются с четвертой платформы...

Сеня закрыл глаза и постарался успокоиться, пытаясь не слушать, как омоновец с криминалистом орут друг на друга. Так он и лежал, как мумия фараона на Красной площади, до тех пор, пока Жомов с Поповым, наконец, не поняли, что Рабинович не ругается, не стонет, не жалуется на судьбу и не пытается распоряжаться. Замолчав, оба удивленно посмотрели друг на друга, а затем Иван подошел к кинологу.

– Сеня, ты не умер? Ты чего затих-то? – потрогав Рабиновича за плечо, поинтересовался он.

– Умрешь тут с вами, когда вы орете так, что весь саксаул разбежался, – буркнул кинолог и сел. – Хватит лясы точить и препираться. Сами хотели в неприятности вляпаться, вот и вляпались. Если так на одном месте стоять будем, то тут и останемся. Боженька с неба не спустится и за руку нас не поведет...

– ВОТ ИМЕННО. И НЕ СОБИРАЮСЬ! ДЕЛ У МЕНЯ ДРУГИХ, ЧТО ЛИ, НЕТ? – громкий голос раздался так неожиданно, что Рабинович вздрогнул.

– Поп, это ты сказал? – Сеня подозрительно покосился на криминалиста.

– Охренел, что ли? – обиделся Андрюша. – Я тебе не чревовещатель какой-нибудь.

– А кто тогда? – Рабинович грозно посмотрел на Попова.

– КТО-КТО. БОГ В КОЖАНОМ ПАЛЬТО! – рывкнул тот же необычный голос, раздаваясь, казалось, со всех сторон. – ВЫ ПОЙДЕТЕ КУДА-НИБУДЬ, НАКОНЕЦ? ИЛИ ДО ВТОРОГО ПРИШЕСТВИЯ СТОЯТЬ БУДЕТЕ?

– А первое уже было? – почему-то поинтересовался Андрюша, испуганно оглядываясь по сторонам. Однако невидимый собеседник на вопрос не ответил. Видимо, сотовый отключил.

– Блин, если это кто-нибудь с мегафоном балуется, то я ему этот рупор в задницу по самую рукоятку ногой затолкаю! – буркнул Жомов, на всякий случай сняв пистолет с предохранителя. – Нашел с кем шуточки шутить. Я ему не утопающий на водах. Эй, недоумок голосистый, ну-ка покажи мне свою бандитскую морду!

Однако и на это предложение никто не откликнулся. Несколько секунд менты ждали, надеясь, что громогласный шутник появится или хотя бы посоветует, в какую сторону идти. Жомов даже сбегал на самый высокий бархан, чтобы получше рассмотреть окрестности, но ничего нового, кроме песка, не увидел. Рабинович махнул рукой.

– Если мираж можно считать зрительной галлюцинацией, то эти вопли спишем на слуховую, – поставил он диагноз. – В любом случае этот урод сказал правильно. Нужно идти, пока мы тут не загнулись.

Сориентировав длинный нос строго на запад (благо за время путешествий он уже научился определять стороны света!), Рабинович поплелся вперед. Жомов, из предосторожности еще не спрятавший пистолет в кобуру, пошел следом, то и дело оглядываясь по сторонам, а Андрюша, забыв о том, как весело мчался к призрачному каравану, заковылял следом, едва передвигая ноги. Мурзик, против обычного, замыкал процессию. Видимо, умница пес боялся, что его лысеющий товарищ потеряется за одним из барханов, и готов был сразу же забить тревогу.

Сколько времени менты брели по пустыне, сказать ни один из них не может. Сеня несколько раз смотрел на часы, но они вели себя крайне непорядочно по отношению к хозяину. Сначала сообщили, что уже половина девятого. Затем, не моргнув стрелками, соврали, что наступил третий час, и напоследок, нервно дергая секундной стрелкой, заявили, что натикало без пятнадцати семь.

– Сдам в утиль! – пообещал им Рабинович, и часы, видимо, получив от этого заявления инфаркт анкера, совсем остановились. Лишь секундная стрелка вздрагивала, давая понять, что жизнь в часах еще теплится, но функционировать в ближайшее время они не будут.

Солнце уже начало клониться к закату, когда Рабинович понял, что больше не сможет идти. Сил совершенно не осталось. Голова, несмотря на форменную фуражку, умудрилась окатиться на грани теплового удара, во рту было примерно то же, что и под ногами, и абсолютно такой же степени влажности. Язык распух и не хотел ворочаться, а в ушах стоял непрерывный гул, отдаленно похожий на шум приближающегося поезда. Выжав из себя силы на последние десять шагов, Сеня рухнул на песок.

– Все, мужики, привал, – провозгласил он, и огромная туша Жомова тут же обрушилась на песок рядом с ним.

Попов приполз минуты через три и, упершись головой в бок Рабиновичу, попытался вытолкать его из маленького кусочка тени, которую давал гребень бархана, нависший над головой. Может быть, Сеня и уступил бы место страдающему другу, но сдвинуться с места он просто не мог. Андрюша попытался боднуться еще раз, но Рабинович остался непоколебим.

– Гляди-ка что. У этого борова еще силы толкаться остались, – обращаясь к Жомову, проговорил он. – Слушай, Вань, раз Попов у нас такой крепкий, может быть, мы дальше на нем поедem?

– Не-а, – отказался Иван. – Я еще понимаю, когда на лошадях там, верблюдах или ослах катаются, но если мы на свинье поедem, люди засмеют.

– С ума сойти, – зло прохрипел в ответ криминалист. – У дуболома чувство юмора проснулось. Почаще тебя в духовке держать надо. Может быть, годам к восьмидесяти поумнеешь.

– Не-а, – вновь не согласился омоновец. – С тобой я и до завтрашнего утра не доживу.

– Перейди на другую сторону бархана и доживай без меня, – парировал Попов, но нового выпада со стороны друга так и не дождался. Жомову надоело препираться, и он, чтобы отвлечься от всяких там дурных мыслей, принялся чистить пистолет.

Может быть, в другое время Андрюша и понял бы прозрачность этого жеста, но сейчас ему было просто не до того, чтобы обращать внимание на занятия неугомонного омовца. Попов лежал на спине, задумчиво глядя в бездонное небо, подернутое легкой дымкой, и уси-

ленно размышлял, от чего он умрет в первую очередь: от голода, жажды или вида противной жомовской рожи. Последнее было бы предпочтительней. Поскольку означало бы, что перед смертью Андрюша хоть наестся всласть. Решив объявить о своем решении омовцу, Попов обернулся и, увидев, что уже тот спит, как сурок на полатах, горестно вздохнул. Решив, что выспаться – это единственно умное решение, Андрюша тоже собрался закрыть глаза, но в это время Мурзик, спокойно сидевший рядом с Рабиновичем, вдруг дернулся, зарычал и побежал куда-то вперед, за гребень соседнего бархана.

– Чего это с ним? – удивленно спросил Андрюша.

– Охотиться побежал. На черепах, – сделал вывод Сеня. – Только не проси его с тобой поделиться. В таком состоянии он даже улитки не догонит, а уж черепаха ему и вовсе гоночным болидом покажется.

– А что, тут черепахи есть? – обиженно удивился Андрюша. – Так почему же мы до сих пор не обедаем?

Спросил и тут же заткнулся, раскрыв от удивления рот, – над гребнем того бархана, за который убежал Мурзик, появилась страшная, волосатая и слюнявая морда. Вытаращив глаза, мерзкая морда пошевелила огромными губищами и, оглушительно фыркнув, смачно плюнула в сторону Попова. Андрюша потер кулаками глаза, а затем ткнул Рабиновича в бок.

– Сеня, это что такое? – удивленно спросил он.

– Мираж, – констатировал Сеня, слегка приподняв веки.

В этот раз мираж оказался удивительно близко. Более того, он поднялся над барханом и принялся двигаться в направлении отдыхающих ментов. Причем в таком порядке – губастая морда, какой-то кусок тряпки, человеческая голова, ну а следом все остальное. Получился всадник на верблюде. Неспешно перевалив через бархан, наездник направился в сторону ментов, а за ним последовали и следующие члены призрачного каравана.

– Зидира-асти, – с ужасным восточным акцентом поприветствовал друзей мираж. – Отдыхаем?

– Угу, – буркнул Рабинович, не открывая глаз. – Проваливай, солнце загораживаешь, загорать мешаешь.

Мираж вежливо кивнул головой и поехал дальше. Попов ошалело проводил его глазами, удивляясь, до чего реальными могут казаться фантомы в пустыне. В этот момент Андрюша забыл даже о том, что голоден, настолько поразило его феноменальное природное явление. Он судорожно сглотнул каплю влаги, в последний раз выделенную его слюнными железами, и еще раз протер глаза кулаком. А в это время к ним подобрался следующий мираж.

– Зидира-асти, – точно так же, как и первый, поздоровался второй. – Пириятного отдыха им?

– И тебе счастливого пути, – не открывая глаз, ответил Рабинович. – Слушай, если не желаешь в воздухе растворяться, так хотя бы молча проезжай. Без тебя тошно.

Новый мираж кивнул так же вежливо, как и предыдущий, продолжив свой путь. Далее миражи следовали с завидным постоянством. Андрюша не сводил с них глаз, жадно пытаясь просчитать, сколько в их тюках могло быть еды и как хорошо бы ему стало, если бы он смог до нее добраться. Мысль эта становилась все более и более навязчивой. Криминалисту словно наяву стали видеться жирные окорока, огромные головки сыра и толстые копченые колбасы. Причем все это соседствовало с бездонными емкостями вина. Не в силах больше сдерживаться и совершенно не соображая, что он делает, Попов поднялся на ноги, вытянул вперед руки, словно приبلудный вурдалак, и, стиснув зубы, пошел прямо на мираж. Мозгом Андрей, конечно, понимал, что сейчас просто пройдет сквозь видение, но поделаться с собой ничего не мог. Прямо перед миражом он закрыл глаза и шагнул вперед, рассчитывая поймать пустоту, но вдруг почувствовал, что его руки схватились за край тюка, свисавшего со спины последнего верблюда. Не веря своему счастью, Андрюша рванул тюк на себя.

– Ай-ай-ай-ай-ай! – тут же завопил наездник на спине верблюда. – Кираул. Гиравят. Сапайте, кито-нибуть.

– Мужики, они настоящие! – тут же истошно заорал Попов, и верблюд, вильнув задом, от его вопля повалился на песок.

– Настоящие, мать вашу!

Упал следующий верблюд...

– ЖИ-ИВЫ-ЫЕ-Е-Е!

Песком с головой засыпало пятерых охранников каравана, бросившихся выручать своих товарищей...

От истошного крика Попова могли бы проснуться и мертвые, если бы, конечно, Андрей изобразил звук трубы страшного суда. А так ему удалось только разбудить Жомова. Спросонья не разобрав, где находится и что вокруг происходит, но всегда помня о служебном долге, Ваня одним движением отстегнул от пояса дубинку, вторым – оказался на ногах, третьим уложил на песок какого-то аборигена, оказавшегося в опасной близости, ну и лишь потом только спросил, ткнув в поверженного «демократизатором»:

– А это кто такие?

– Видимо, местное население, – сделал предположение Рабинович. – Только, может быть, вместо того, чтобы дубасить их по башкам, мы попросим показать дорогу к ближайшему оазису? Или купим билеты до конца маршрута?

– Да по фигу, – пожал плечами омовец и тут же зарядил в лоб кулаком еще одному низкорослому аборигену, кинувшемуся на него с холодным оружием в руках. – Ты давай спрашивай, а я пока кости немного разомну.

– Нет уж, Ваня, давай без членовредительства обойдемся, – предложил кинолог и сам влепил дубинкой в лоб набросившемуся на него коротышке. – Блин, да что они какие настырные? Андрюша, попроси их, пожалуйста, остановиться. Только вежливо!

– ЛЕ-Е-Е-ЕЖАТЬ! – исполнил его просьбу Попов, и на ногах остался стоять только тот верблюд, что возглавлял караван.

– Ай-ай-ай-ай-ай, какой беда, – горестно покачал головой штурман этого корабля пустыни. – Такой пириятный люди и так гиромко киричит. За-ачим весь моя караван уронили?

– Ты это, мужик, не наезжай, – Жомов погрозил ему дубинкой. – Я еще только разогреться начал.

– И-и зачим гиретца? – заботливо погрозил ему пальцем погонщик. – Солнца в башка попадет, са-авсим пилохо будет, – теперь палец взлетел вертикально вверх, отыскивая доступ к зениту. – Ни-ихарашо. Давай ша-атер ситавь, будим отидихать, вода холодний пить, башка от солнца пирятать.

– Вода? Где вода? – завопил Попов и, увидев, что погонщик отвязывает от верблюжьего горба бурдюк, бросился вперед. – Слушай, мужик, у тебя, может быть, и поесть что-нибудь найдется?

– И паисть наиде-ца, и папить наиде-ца, жалко жинщина ни-и наидеца, – сокрушенно вздохнул погонщик. – Сапсим нидавна на базар продавал висех, – он протянул бурдюк Попову и посмотрел на Рабиновича. – Симелий багатур, па-адими моих людей, шатер ситавить надо. А я пока твиим людям башка пиравить буду.

– Вправить башку им действительно не помешает, – буркнул Сеня, поворачиваясь спиной к караван-баши. – Авантюристы и растеряхи хреновы!

К вмешательству Рабиновича в их отдых на песочке аборигены отнеслись по-разному. Некоторые, увидев Сенину физиономию, испуганно вопили и пытались зарыться поглубже. Другие спокойно поднимались и брели к верблюду своего босса, ну а третьи пытались насадить Рабиновича на свои примитивные мечи. С такими у Сени разговор был короткий – дубинкой по голове и оставить отдыхать до следующего захода. Обычно это помогало, и лишь двоим

потребовалась троекратная контузия. Правда, после этого оба аборигена принялись лепить куличики из песка, но зато успокоились и порядков не нарушали.

Попов с Жомовым в это время блаженствовали в тени легкого шатра, который с огромным трудом поставили сами под чутким руководством главного караванщика. Он щедро полил какие-то тряпки водой и обмотал ими головы перегревшихся милиционеров. Оба нежились на мягких коврах и язвительно комментировали работу Рабиновича. Правда, их наслаждение собственным исключительным положением длилось недолго. Едва первые караванщики, приведенные в чувство пинками Рабиновича, подошли к своему боссу, как он тут же послал их позаботиться о Сене. Один так же обмотал голову Рабиновича мокрой тряпкой, другой держал над ним зонт, а еще двое усиленно махали на кинолога веерами, пока тот практиковался в оказании первой помощи пострадавшим от поповских репрессий. Увидев такую свиту около Рабиновича, Андрюша горестно вздохнул.

– Слушай, Ваня, – обратился он к омовцу. – Ну почему Рабиновичу всегда больше нашего уважения и почета достается?

– Пи-итаму, что почтенный богатур – силуга Сета, – склонив голову, ответил вместо Жомова караван-баши. – А ви – лишь только его сипутники.

– Кто слуга? Чей? – Ваня удивленно повернулся к Попову. Тот удивленно развел руками.

– Моя пилоха говорить, но моя хирашо чужая бога зинает, – начальник каравана сначала вновь ткнул указательным пальцем в зенит, едва не продырявив крышу палатки, а затем почтиительно поклонился. – Ваша Сет виликий бога войны. А такой гордый зверь, – теперь палец караванщика нырнул в сторону Мурзика, – можит только силужителю Сета починяцы. Мине непиряятности с местным начальством не нужины, пата-аму силуги Сета – моя жиланий гости.

– Андрюха, ты что-нибудь понимаешь? – ткнул Попова в бок омовец. – Или мне этому хмырю бородатому разок в ухо стукнуть, чтобы он по-русски говорить начал?

– Вставать не лень? – поинтересовался Андрюша. – А вообще-то, Ваня, кое-что и без кулаков понятно. Сет – это египетский бог войны. Ну а если этот старый пень считает его нашим богом, значит, и нас принимает за египтян. Непонятно только, какой сейчас год...

– Так у караванщика и узнаем, – радостно ухмыльнулся Жомов и, не вставая с ковра, дернул аборигена за халат. – Эй, мужик, год сейчас какой?

Тот нахмурил лоб и застыл. Несколько секунд Ваня не сводил с него взгляд, а затем посмотрел на Попова таким взглядом, словно требовал у друга объяснить, что он в этот-то раз неправильно сделал. Андрей удивленно пожал плечами, и омовец задумался сам: стукнуть ли караванщику по маковке, чтобы вернуть его к реальности, или просто плюнуть и забыть о своем вопросе. После долгих логических вычислений Ваня все же решил, что гражданские просто обязаны отвечать на вопросы защитников правопорядка, и уже отстегнул от пояса дубинку, как караванщик наконец-то решил заговорить.

– Са-апсим вопрос тирудный, – хмуря лоб, проговорил он. – Вичера был пирошлый год. За-автира ниизвистна какой будит, а си-игодня пироста год. Засушливый год. Са-апсим баранам пилоха, шерсти мала будит. Чим торговать, ни-и знаеим!

– Тьфу на тебя, идиот полосатый! – рявкнул на караванщика Жомов. – Я же тебя не про шерсть спрашиваю, баран ты эдакий. Я тебя спросил, какой сейчас год...

– Да оставь ты его, – одернул друга всезнающий криминалист. – Дату он тебе все равно ни хрена не скажет. Но раз в Египте Сету поклоняются, значит, и до крестовых походов далеко. Получается, что наше зелье совсем неправильно сработало, – он тяжело вздохнул. – Сенья мне голову оторвет, когда узнает, что мы не только от Англии далеко, но еще и в другое время попасть умудрились.

– Да ладно тебе стонать, – широко улыбнулся Иван. – Какая хрен разница, где мы? Людей нашли? Нашли! Теперь, значит, немного оторвемся, ты свое зелье приготовишь, и рванем

домой дальше службу нести. В конце концов, имеем же мы право на отдых после того, как целый мир спасли?

– Ох, Жомов, твоими бы устами да мед пить! – горько усмехнулся криминалист.

– Ми-ед? И-есть и ми-ед, – тут же радушно откликнулся хозяин каравана. – Пиравда, таким гостям я и вина жалить ни ситану!

– О блин! Самое хорошее предложение, – в этот раз Жомов понял аборигена мгновенно. – Где вино? Наливай!..

Глава 3

Ох, беда с этими людьми! Ведь пытался их предупредить, когда они пошло поповское глотали, что ничего хорошего из этого не выйдет. Так разве меня кто послушал? Я, конечно, готов сделать скидку моим ментам на то, что они по-нормальному разговаривать не умеют, но они в милиции ведь не первый год служат! Могли бы и язык жестов научиться понимать. По крайней мере, Сеня-то знает, что я из простой блажи чему-то противиться не стану. Если уж уперся лапами, значит, есть на то причина. Ан нет! Зальют глазоньки водкою и плевать на голос разума хотели.

Это ведь еще хорошо, что караван на нас наткнулся. А вы только представьте, что было бы, если бы мы так и продолжили на запад идти?.. Правильно. Ничего хорошего. Нет бы моему Семену на восток, к горам повернуть, так ему в пустыню углубляться понадобилось. Мог бы хоть попытаться логически рассудить – где начинаются горы, там пустыня кончается, реки всякие со склонов текут и зверушки водятся! Но Сеня забил себе голову бреднями о Палестине и повел нас туда, где единственным пляжем оказался бы берег Атлантического океана, при условии, что мы бы до него каким-то чудом добрались.

Если бы псы так безрассудно себя вели, то сразу же после динозавров повымерли бы как вид. А вот людям везет! Каких только глупостей за свою историю не творили, а все равно еще живут и исчезать с лица Земли, судя по всему, не собираются. Парадокс!

После психической атаки в исполнении Попова вернуть к жизни разгромленный караван оказалось не так просто. Я отыскивал в песке разрозненные руки и ноги, Сеня парой пинков соединял их в одно целое, и откопанный караванщик тут же отправлялся на ОТК к своему боссу, чтобы получить штамп о госприемке промеж глаз. Караван-баши, невысокий и худой, но жутко бородатый мужичонка по имени Нахор, отвечивал каждому по затрещине и отправлял на исправительно-трудовые работы, не забыв напоследок обозвать бабой и тряпкой... Кстати, до сих пор не пойму, что между этими двумя предметами общего. Ну хоть убейте, ни разу я не видел, чтобы женщиной полы мыли, а тряпкам цветы несли и шампанским накачивали. Хотя, может быть, просто не туда смотрел?

Ваня Жомов, любивший не раз повторять, что женщины женщинами, а водочка врозь, не стал дожидаться, пока мы с Рабиновичем закончим раскопки каравана, и к Сениному возвращению успел не только соблазнить на выпивку Попова, но уже и наполовину опустошил бурдюк с вином, выданный ментам Нахором. Рабиновича это, естественно, не обрадовало, и он закатил жуткую бучу, как только вернулся с «раскопок». Примирить их смог только караван-баши. И то только тогда, когда с поклоном вручил моему Сене персональный бурдюк. Рабинович немного успокоился и уселся на ковер.

– Жомов, ты не мент, а жлоб натуральный! – ворчливо определил он Ванино место в жизни. – За лишний глоток бухла скоро и тестя родного удавишь.

– Сень, да я просто пить очень хотел, – смущенно попытался оправдаться омоновец.

– Вот воду бы и пил, – отрезал мой хозяин. Жомов поперхнулся.

– С ума сошел? – возмутился он. – Да я такой гадости в жизни в рот не возьму. Уж лучше убейте меня сразу, чем так издеваться!

– В роддоме тебя убивать надо было, – фыркнул Сеня. – Сейчас уже поздно. Срок за тебя дадут.

Жомов решил дальше на эту тему не дискутировать, потому что не хуже моего знал, что спорить с Рабиновичем – все равно, что блох граблями вычесывать. Кстати, о блохах! Каждый раз, попадая в новый мир, я так сильно начинал нервничать из-за возможного налета на мою чудесную шкуру полчищ этих беспринципных паразитов, что на некоторое время просто терял и покой, и сон. А все оттого, что Сеня уже целый год экономил на мне, не покупая новый антиб-

лошиный ошейник. Правда, раньше меня спасал Ахтармерз Гварнарытус, наш персональный огнедышащий дракон, волшебник и химчистка в одном флаконе, но теперь его с нами не было и, похоже, о собственной шкуре придется заботиться самому.

Поначалу, попав в пустыню, я жутко перепугался. Как-то мне рассказывал один знакомый бульдог, пару раз катавшийся со своим хозяином на экскурсию в Каракумы, что в пустыне водятся такие огромные блохи, что рыжий таракан выглядит по сравнению с ними, как инфузория-туфелька рядом со слоном. Не скажу, что тогда я ему безоговорочно поверил, но, оказавшись в сходных погодных условиях, невольно вспомнил этот разговор и стал внимательно присматривать за каждой трещинкой в песке, опасаясь нашествия песчаных блох, способных сожрать меня заживо.

Однако пустыня оказалась абсолютно пустынной. Супер-блохи на меня не спешили напасть, и я слегка расслабился. Ровно до того момента, как приготовился забраться на ковры внутри шатра и спокойно отдохнуть часок от трудов праведных. Вот именно это у меня и не получилось!

В отличие от людей, которые могут сесть на скамейку, даже не посмотрев, что она окрашена, я всегда сначала обнюхиваю то место, куда собираюсь поместить свой зад, а затем только устраиваюсь поудобнее. Так было и в этот раз. Я опустил морду пониже, стараясь поточнее определить, чем именно пахнет ковер, как вдруг увидел десятка два наглых ухмыляющихся блох, плотоядно потиравших передние конечности. Они торчали на ворсинках ковра в каких-то двух сантиметрах от моего носа, и им ничего бы не стоило, подпрыгнув вверх, надолго затеряться в моей шкуре. Однако эти кусачие хозяева коврово-шерстяных покрытий решили, видимо, слегка полюбоваться моим испуганным видом и просчитались! Испуганно тявкнув (честное слово, не сдержался!), я отскочил назад, оставив прожорливых блох с носом. То есть и без носа тоже. Поскольку убрал его подальше от ковра.

– Сеня, что это с Мурзиком творится? – удивленно поинтересовался Жомов, глядя на мои балетные прыжки.

– Что со мной творится?... Вот это ни кота себе! Ванечка, дорогой ты мой бык комолый, если тебе плевать на состояние твоей реденькой шерсти, наткнутой на теле кое-как, то мне моя шикарная шуба еще пригодится! Я ее снять и в химчистку отдать не могу.

– Фу, Мурзик! – это мой Сеня заорал. Ну никак ему и дня не прожить на свете, чтобы не показать всем, какой он самый главный!.. – Иди ко мне.

Бегу! Я еще не сумасшедший, чтобы блохам на растерзание кидаться, как Анна Каренина под трамвай...

– Ко мне! – снова заорал Сеня, но в этот раз я не только свою позицию объяснять не стал, а и вовсе к хозяину спиной повернулся. Пусть знает, что у меня свои жизненные принципы есть.

– Ну и хрен с тобой. Хочешь сидеть на солнце, так и сиди там, – сдался Рабинович, а друзьям пояснил:

– Да не обращайтесь на него внимания. Запахи ему тут, наверное, не нравятся. Не привык еще...

И не привыкну!.. Впрочем, дальше спорить я не стал. Пусть мой Сеня думает все, что хочет, лишь бы оставил меня в покое. А чтобы не мозолить ему глаза, я и вовсе за шатер решил уйти, тем более что разведку кому-нибудь сделать надо. Это люди, как я уже говорил, часто любят на волю случая полагаться, а мне обстоятельность присуща. А если за этими аборигенами не присматривать, то они могут таких дел натворить, что нам голодная смерть в пустыне райской жизнью покажется.

Кстати, аборигенами я их зря назвал. Насколько мне помнится, аборигены съели Кука, а этим пугалам в длинных халатах-плащах и дурацких повязках на головах до появления извест-

ного путешественника явно не дожить. К тому же караванщики не были даже местными жителями, чтобы от меня заслужить высокое имя аборигена.

Я обежал вокруг шатра, пытаясь отыскать что-нибудь интересное, но ничего, кроме пенометателей-верблюдов и их погонщиков, не нашел. В тюках тоже ничего ценного для меня не оказалось, даже съедобным не пахло, поэтому я решил вернуться поближе ко входу в островерхую палатку и попытаться услышать разговор ментов с Нахором.

С момента моего позорного бегства от блошиной орды ничего внутри шатра не изменилось. Трое ментов по-прежнему сидели в одном углу, а караван-баши – в другом. Доблестные милиционеры продолжали глотать халявное вино, а радушный хозяин подобострастно смотрел им буквально в рот, стараясь предугадать любое желание гостей. Впрочем, особо напрягаться ему не приходилось, поскольку моим ментам совершенно ничего, кроме выпивки, не требовалось. Андрюша, правда, пару раз пытался раскрутить хозяина и на закуску, но Сеня тут же, завидев нетерпеливые шевеления криминалиста, одаривал его таким горячим взглядом, что я даже чуть-чуть испугался, как бы под этим пламенным взором поповская туша не превратилась в хорошо прожаренный бифштекс.

Сказать, что меня удивило такое поведение хозяина, – это не сказать ничего. Да я просто в ступоре оказался, когда увидел, что Рабинович мешает Андрюше гражданского трясануть. Мой Сеня, конечно, никогда не был настолько беспардонным, как Ваня, например, способный у тестя последнюю бутылку водки экспроприировать, но и склонностей к жертвованию собственными благами ради какой-то там дурацкой вежливости я за ним не замечал. Вот и застыл от неожиданности, раздумывая о том, стареет ли просто мой хозяин или снова какую-нибудь каверзу задумал. А когда этот вопрос проявился, я облегченно вздохнул. Нет, господа, рано еще моего Рабиновича со счетов сбрасывать. Он еще не один десяток человек вокруг пальца обведет, прежде чем на заслуженный отдых отправится!.. Так что, прости меня, Сеня, за невольные сомнения в твоём здравомыслии.

– Не скажете, уважаемый, куда путь держит ваш караван? – Рабинович начал издали подбираться к своей цели.

– Зачим ни скажу? – удивился Нахор. – Ми из страны Кушитов пиriamo к морю и-едим. Свой товар пиродавай, их товар покупай. Типери домой, в Персию едем. Будем мал-мал пири-быль получать.

– Что же, вполне хорошее занятие, – Сеня кивнул так, будто от него зависела вся торговля в регионе (тоже мне, председатель лицензионной палаты!). – Надеюсь, уважаемый, ты не думаешь, что мы случайно оказались у тебя на дороге? – караванщик отрицательно затряс головой.

– Молодец, правильно мыслишь, – Рабинович снисходительно улыбнулся. – Так вот, мы действительно ждали именно тебя. Есть у нас информация, что ты прошлый раз больше товара провез, чем в таможенной декларации указал. Вот мы и были посланы тебя проверить, – я увидел, как у Нахора забегали глаза, и понял, что Рабинович на правильном пути.

– Ты, конечно, понимаешь, что мы могли бы уничтожить тебя, твоих людей и твой новый товар, но готовы подумать о том, чтобы ненадолго забыть о твоих прегрешениях, – продолжил тем временем Сеня. Караванщик понимающе кивнул и полез в один из баулов в углу шатра, но Рабинович остановил его. – Мы даже можем проводить тебя до моря, чтобы не дать возможности другим нашим коллегам заняться проверкой твоего груза, но нам нужны гарантии твоей честности и откровенности. По нашим законам люди, вкусившие вместе пищу, не могут обмануть друг друга, иначе будут жестоко наказаны. Я предлагаю тебе сделку. Мы проводим тебя в порт и не позволим никому копаться в твоём грузе, а ты нам возвращаешь ту сумму пошлин, которые задолжал с прошлого раза. Продовольствие и наше проживание в гостиницах, естественно, за твой счет, – Сеня сделал многозначительную паузу. – А теперь ответь, разделишь ли ты с нами свою пищу?

– Канеш-ина, канеш-ина, – торопливо замотал головой караванщик. – Ха-ароший закон, умный. Для mine большуй честь и-ехать под покровительством такого богатура. Мой дом – тивой дом, мой и-еда – тивой и-еда, тивой закон – мой закон. Давайте ти-иперь кушать! – и Нахор заорал во всю глотку, приказывая своим людям подавать ужин на стол, а Попов с хитрой улыбкой наклонился к моему хозяину.

– Это в каком уголовном кодексе ты законы о совместном столовании прочитал? – удивленно поинтересовался он. – Или это цитата из энциклопедии юного бойскаута?

– Заткнулся бы лучше, – в тон ему ответил Рабинович. – Вместо того чтобы прикалываться, благодарить меня должен. Я вам сейчас не только оплаченную турпоездку с полным пансионом организовал, но еще и получение бонуса за выдающиеся достижения оговорил. Впрочем, если тебе хочется поприкалываться, свинья неблагодарная, можешь идти к морю пешком и веселиться всю дорогу в одну харю!

– Совсем Рабинович от жары сбрендил, – Андрюша, глядя на Жомова, покрутил пальцем у виска. – Мания величия началась. Теперь этот новоявленный последователь Сета еще и шутки понимать разучился. А что же дальше будет? Если, например, его к сонму богов причислить?

В ответ Жомов лишь пожал плечами. Дескать, по фигу мне ваши проблемы, дайте только напиться всласть после суточного воздержания! Бывает у Вани такое. Он иногда абсолютно на внешние раздражители реагировать перестает. И так наполовину деревянный, а в таких случаях и вовсе пеньком с глазами и глоткой становится. Может быть, он и от них бы отказывался, когда в ступор впадает, но без глаз рюмку не найти, а уж опорожнить ее он и без рук, одной глоткой может. Вот однажды опера из нашего отдела и решили эти Ванины качества использовать. В смысле, не пожирание глазами рюмок и всасывание их содержимого внутрь, а полное отсутствие интереса к внешним раздражителям.

Есть у нас в отделе уборщица, тетя Клава. Боевая баба, что и говорить. Да и комплекции подходящей – 130-160-180, при гренадерском росте. Уж не знаю, могла ли она коня на скаку останавливать, но уж в горящую избу точно входила. Сам видел! У нас однажды вечером во время какого-то очередного еженедельного праздника какой-то излишне бесшабашный сотрудник кинул окурок сигареты в урну, а попал в коробку с архивными делами, что рядом стояла. Так это еще бы ничего, но он, идиот, увидев свою оплошность, решил пожар водой из пластиковой бутылки затушить, да не ту схватил. Вода рядом стояла, а в той бутылке, которую он взял, конфискованный спирт был, который до этого и употребляли менты.

Нужно ли говорить, как тут же полыхнуло? Шкаф пламенем объялся так, будто из папиросной бумаги был. Понятно, потушить без спецсредств такой пожар было невозможно, и наши менты бросились собирать по этажам огнетушители. Естественно, ни один из них не работал. Ну, а когда поняли, что без пожарных не обойтись, выяснилось, что одного участника попойки потеряли. Стали искать и довольно быстро обнаружили, что за дверью, обътой пламенем, его ботинки из-под стола торчат. Вот тут тетя Клава себя и проявила! Пока менты решали, кому именно и как броситься погибать, но товарища выручать, она отшвырнула всех спорщиков от двери, бросилась в кабинет и вытащила здорового опера из огня, словно маленького ребенка. Он ей еще потом дезодорант мужской подарил, «Терминатор» называется.

Да речь не об этом. Про пожар я рассказал, чтобы вы поняли, насколько грозной женщиной была тетя Клава. Все менты ее боялись, не исключая и начальника отдела. Стоило тете Клаве только с тряпкой в руках появиться в дверях кабинета, как опера тут же разбежались в разные стороны, не дожидаясь ее грозного рыка: «Это какая сволочь тут натоптала? Щас рылом в грязь натыкаю, ни один уголовник потом не узнает!» Это утверждение даже однажды проверить хотели, когда одного из оперативников нужно было в банду внедрить. Но тот, услышав, кому его для гримировки отдавать собрались, забился в истерике и заорал благим матом:

– Да уж лучше я к фраерам на перья пойду, чем к тете Клаве в руки живым дамся после того, как она в грязный кабинет войдет!

Пришлось парню другие средства изменения внешности искать, а уборщице нашей так и не удалось доказать правоту своих утверждений. Однако ее тирания росла и ширилась. Дошло до того, что, даже если в урочный час уборки в кабинете шел перекрестный допрос подозреваемых, ее и это не могло остановить. Тетя Клава всех выгоняла из подотчетного помещения. А те, кто пытался оказать сопротивление трудолюбивой уборщице, получали шваброй промеж глаз и на недельку отправлялись в ближайшую больницу.

В общем, перечить ей не решался никто, но горделивые милиционеры терпеть произвол буйной уборщицы больше не могли. Вот однажды вечером, после некоторого количества возлияний на душу населения и перед уборкой, они и решили немного над тетей Клавой пошутить – труп ей подкинуть. Патологоанатом отказался открывать холодильник в морге, поэтому находчивые менты решили тут же приспособить под труп Ваню Жомова. Благо он в тот день, по совершенно непонятным причинам, выбил в тире сорок девять из пятидесяти и был мрачнее тучи. Впал в тот самый ступор, о котором я вам говорил, и ни на что вокруг не реагировал. Иначе ни за что шутить над тетей Клавой не согласился бы.

В общем, Ваня затее противиться не стал, и мой Рабинович тут же притащил неизвестно откуда резиновую нащепку, имитирующую страшную рану. Эту штучку прилепили Жомову на голову и положили безразличного ко всему омовца между шкафом и стеной, где у четырех оперов, занимавших кабинет, были вешалки для верхней одежды и столик с электрическим чайником. Устроив его в приличествующей случаю позе, менты дождались, пока в коридоре не загремят грузные шаги тети Клавы, и бросились из кабинета врассыпную.

Уборщица, проводив их подозрительным взглядом, прошествовала в кабинет и громко хлопнула дверью, давая всем понять, что беспокоить ее за работой опасно. Однако менты, попрятавшиеся по разным углам, перебороли страх и подоברались прямо к дверям, чтобы самим услышать, что произойдет дальше. Я тоже здорового любопытства не лишен, поэтому слушал вместе со всеми. Поначалу ничего, кроме обычного бормотания тети Клавы и монотонного шарканья тряпки по линолеуму, слышно не было. Затем раздался какой-то сдавленный хрип, грохот и звериный рык уборщицы. Опера тут же распахнули дверь, абсолютно уверенные в том, что застанут тетю Клаву лежащей на полу в состоянии глубокого обморока. Однако не тут-то было. Перед нашими глазами открылась жуткая, страшная картина: разъяренная уборщица за ноги волокла к выходу Жомова, все еще отчаянно сжимавшего в руках ножки стола.

– Это что такое? – грозно поинтересовалась она, кивнув головой в сторону омовца.

– Э-э, вещественное доказательство! – нашелся Рабинович.

– Вот и храните его в сейфе, – рывкнула тетя Клава так, что песчаный лев поперхнулся бы от зависти. – Еще раз на полу посторонние предметы увижу, будете у меня на потолке сидеть. Ясно?! – и вышвырнула Ваню из кабинета так, словно это был не самый грозный борец с преступностью, а старый, антисанитарный плюшевый мишка, несколько лет успешно скрывавшийся от химчистки.

Вот такая у нас тетя Клава... Впрочем, я немного отвлекся. Вы уж извините, просто вид Жомова в ступоре постоянно напоминает мне этот случай. Правда, сейчас у Вани состояние было не столь критическое, как после промаха в тире, но все равно сутки в духовке без капли влаги во рту даром для него не прошли. Все-таки он у нас большой и до сих пор растущий, несмотря на все законы физиологии. Поэтому без постоянной подпитки организма ему хуже всех в нашей компании приходится.

Ваня наконец-то оторвался от бурдюка с вином и обвел присутствующих подобранными глазами. К тому времени в шатре уже накрыли на стол, если так можно сказать о еде, поставленной прямо на скатерть, постеленную поверх ковров. Жомов, наконец, решил, что пришла пора закусить, и, увидев меня, попытался заманить внутрь окороком какой-то птицы. Не вышло! Я

не настолько идиот, чтобы за жалкий кусочек мяса блохам на клыки бросаться. И Сене меня на ужин внутрь заманить не удалось. Пришлось Нахору выносить мне еду на улицу на серебряном подносе. Что меня вполне устроило – хоть раз из нормальной посуды поем, а то все время мою еду на пол, гады, бросают!

Мои менты, изголодавшиеся за день воздержания, набросились на ужин, словно стая голодных питбулей. От Жомова с Поповым такого я еще ожидать вполне мог, но вот предположить, что Сеня от них не отстанет, оказалось выше моих сил. Впрочем, каюсь! Я ел тоже не как слепой кутенок и с копченой грудинкой расправился в один присест. Затем вылакал большую миску воды и улегся у входа, отдыхая от трудов праведных.

Блохи, ужин которым никто не подал, попытались было дикими скачками преодолеть разделительную песчаную полосу, но, услышав мое грозное ворчание, тут же ретировались и, истекая голодной слюной, строили коварные планы мести за поруганную мечту о сладкой жизни. Ну и пусть себе мечтают! Хоть я и следил за этой пиратской армией вполглаза, но еще не родилась та блоха, которая мимо меня незамеченной проскользнуть сможет. Потренируйтесь сначала на верблюдах, насекомые проклятые, они тупые!

А тем временем насыщение моих ментов подходило к концу. Рабинович набил брюхо первым и, залив ужин изрядной порцией вина, откинулся на подушки. За все время принятия пищи никто не произнес ни слова. Даже Нахор молчал, не приставая с расспросами, в ожидании, пока гости насытятся. Впрочем, так и полагалось вести себя вежливому хозяину, к тому же запуганному Рабиновичем возможным разоблачением махинаций с таможенными службами. Сеня первым решил нарушить молчание.

– Ну-с, уважаемый, и далеко нам до Палестины? – Сеня не слышал предыдущего разговора Попова с Жомовым, поэтому ему прощается такой дурацкий вопрос.

– Кто такой Палестин? Не знаю никакой Палестин-малестин, – удивился караванщик. – Шито за женщина? Красивый, наверное?

– Я вот думаю, не баран ли ты? – Сеня задумчиво посмотрел на Нахора, а затем рявкнул: – Какая «женщина», идиот? Это страна. Скажи еще, что не слышал о Крестовых походах и войне за Гроб Господень?

– Какой-то гроб? За-ачим богу гроб? – еще больше удивился Нахор. – Кито же его в гроб положит? Он же памятник... Тифу тебе, шайтан! Я хотел сказать, он бессмертный!

Сеня, ошалевший от такой постановки вопроса, не сразу и нашелся, что сказать. А когда ему удалось согнать в кучу мысли, разбежавшиеся в разные стороны по нескольким кривоватым извилинам, Андрюша уже дожевал свое мясо и жестом остановил Рабиновича, готового разродиться торжественной речью с восхвалением умственных способностей караванщика.

– Сеня, только не ори, – сразу попросил он. – Мы уже с Нахором разговаривали и поняли, что оказались в Египте. Причем, судя по всему, до начала Крестовых походов еще далеко. Я не уверен, но мне кажется, что мы попали примерно в ту же эпоху, по которой гуляли, когда искали Зевса.

Вопреки моим ожиданиям, Рабинович не начал орать, не стал махать кулаками и обещать сделать из Попова свиней рулет. Честное слово, даже скучно стало, когда Сеня лишь только удивленно вскинул брови и заявил, что чего-нибудь подобного он от такого недоумка, каким, по его мнению, является Андрюша, и ждал. Попов смиренно собрался выслушать следующую порцию оскорблений, но ее не последовало.

– Ладно. Хрен с ней, с этой Палестиной, – пожав плечами, проговорил мой хозяин. – Мы хотели маленький отпуск за свой счет с приключениями в довесок, мы его и получили. Будем наслаждаться экзотикой. А ты, Андрюша, – Рабинович ткнул в криминалиста пальцем, – изготовишь эликсир, чтобы он был под руками в любой момент, когда мне домой захочется сорваться. Ясно?

– Да где же я тебе... – попытался было отмазаться Попов, но Сеня бесцеремонно перебил его.

– А вот это меня не волнует, – ехидно заявил он. – Ты у нас самостийно в алхимики записался, вот и выполняй свои непосредственные обязанности.

Возражать на это утверждение Андрюша даже не пытался. Тем более что наш караван-баши, заметив, что у гостей кончились вино и закуска, тут же приказал слугам пополнить истощившиеся запасы. Гулянка тут же продолжилась с новой силой. А когда к пирующим прибавились еще двое человек – помощники Нахора, Аод и Хусарсеф (гав ты, имечко! язык сломаешь), – веселья заметно прибавилось. К вечеру все шестеро наладились до такой степени, что стали хором распевать «Ой, мороз, мороз...»

Аборигены, хоть и ничего не поняли в этой песне, но зато так усердно подтягивали окончание каждой строки, что даже верблюды вздрагивали и плевались в сторону шатра, а подчиненные Нахора раз двадцать врывались с мечами в его палатку, каждый раз думая, что караван-баши пытается какая-нибудь нечистая сила. На двадцать первый мне эта беготня надоела и пришлось рыкнуть на надоедливых слуг. На них это подействовало сильнее, чем буденовский пулемет на махновцев, и к шатру больше никто не приближался. Опять же на выстрел того же пулемета.

Ближе к полуночи пирующие, наконец, после обмена традиционными вопросами типа «ты меня уважаешь?» разбрелись спать. То есть разбрелись Аод с Хусарсефом, а мои друзья, утомленные тяжелым дневным переходом и обильными возлияниями после оногo, свалились спать прямо там, где сидели. К тому времени температура окружающего воздуха значительно упала, и я слегка продрог. Решив размять затекшие конечности, а заодно провести и тщательную рекогносцировку местности, я отправился в обход лагеря аборигенов.

Как и полагается в таких случаях, аборигены выставили на ночь стражу. Мало ли какие бедуины вокруг шляться могут, готовым нужно быть ко всему! Правда, даже поверхностная проверка выявила жуткие погрешности в караульной службе караванщиков. Половина охранников резалась при помощи костей животных в какую-то дурацкую игру, четверть поглощали пищу, пережевывая ее с таким треском, что по сравнению с ним даже носорог на стекольной фабрике казался бы сверхбесшумным ниндзей. Ну а остальная часть охраны просто бесцельно слонялась между костров. Причем эти горе-воины передвигались так, что все время сами находились на свету и из-за отблесков пламени совершенно не могли видеть того, что происходит в темноте.

В общем, не охрана, а полная самостоятельность. Если бы у нас в России бандиты каждое свое логово таким образом охраняли, то менты тогда и без ОМОНа спокойно бы обошлись – приходи и бери всех преступников голыми руками! Такого безобразия Ваня, конечно бы, не пережил и тут же принялся обучать аборигенов несению караульной службы. Хотя бы для того, чтобы в будущем не остаться без работы. Впрочем, Жомов спокойно спал и проверкой постов заниматься не имел возможности. Поэтому мне пришлось взять в свои лапы и зубы охрану каравана от возможного налета какого-нибудь пустынного варианта карибских пиратов.

Спать мне совершенно не хотелось, даже сам не знаю, почему именно. Чтобы не помечать от скуки и не покрыться инеем в резко изменившейся температуре окружающей среды, я принялся наматывать круги по лагерю, то и дело пугая ротозеев караульщиков своими внезапными появлениями. В общем, нес службу и никому не мешал, но мой благородный порыв никто не оценил. Более того, меня самым наглым образом оплевали!

Обходя лагерь, мне несколько раз приходилось пробегать мимо лежавших на пузе верблюдов. Большинство из них никакого внимания на меня не обращали, но особо раздражительная животиная фыркала носом и чмокала губами при каждом моем появлении. Каюсь, сам виноват, что на эти знаки презрения и недовольства внимания не обращал, но кто же мог предположить, что эта проклятая скотина так метко плюется?! Она же так харкнула, когда я

в пятый раз мимо пробежал, что мне показалось, будто на меня ведро клея с размаху вылили. Как бежал, так и поехал юзом по песку, даже глаза от неожиданности не сразу продрать смог. Ну, а уж когда сумел гляделки свои разлепить, я этим скотам задал жару!

Кусать, конечно же, вонючие верблюжьи ноги я не стал, но рывкнул на них по первому классу. Может быть, до льва и не дотянул, но этим тварям горбатым вполне хватило. Те, кто спал, проснулись в один миг и, совершенно не понимая, что делают, помчались по головам остальной части стада в направлении шатра Нахора. Их соплеменники, затоптанные первой волной, решили также не оставаться в стороне от всеобщего веселья и, издавая гортанные звуки, помчались за первыми в погоню. А я им еще и скорости прибавил, прыгая рядом и истошно вопя.

Когда первые верблюды докатились до подножия бархана, гребень которого украшал цветастый шатер Нахора, в лагере караванщиков уже царил переполох. Однако люди, видимо, из-за большого срока общения со своими кривогорбыми подопечными совсем отупели и, не зная, что делать, бестолково метались по лагерю. Верблюды же, на радость немногочисленным зрителям в моем лице, решили устроить большой конкурс и в качестве первого барьера взяли штурмом шатер, где мирно почивали менты. Поняв, что мой Сеня сейчас может быть безжалостно затоптан, я попытался остановить стадо, подавшееся в бега, но меня снова самым наглым образом оплевали. В этот раз на ходу!

Разозлившись, я было решил изменить свой вкус и попробовать на зуб свежей верблюжатины, но поганить пасть их мерзким мясом мне не пришлось. Смятая первыми животными аборигенская палатка неожиданно вернулась в исходное положение. Правда, в высоте она потеряла десяток сантиметров, но зато обзавелась руками с пудовыми кулачищами. Это Ваня Жомов, спросонья решив, что какие-то вероломные враги пытаются сделать ему «темную», распрямился во весь рост и вслепую пошел крушить верблюдов направо и налево.

Вскоре вся гужевая часть каравана лежала перед ним аккуратной кучкой, а уйти в пустыню удалось только тем двум верблюдам, что удостоились чести быть единственными существами, кто безнаказанно смог наступить на омовца. Ваня еще пару минут буянил, выискивая неведомых врагов. Он размахивал кулаками, орал и таскал на себе по территории лагеря шатер Нахора со всем его содержимым – с подушками, коврами, вином, ментами и совсем очумевшим караван-баши.

Остановился Ваня только тогда, когда, сделав почетный круг по лагерю и сокрушив все, что попало под его могучие кулаки, вновь вернулся к складу верблюдов и, уткнувшись в него головой, свалился на песок, окончательно запутавшись в пологе шатра. Извлечь оттуда омовца удалось только при помощи длинных ножей, да и то на осуществление этой операции потребовался весь остаток ночи и половина утра.

Правда, Ване эта операция только пошла на пользу. Пригревшись в тепле шатра, собственноручно превращенного им в спальный мешок, Жомов растратил всю свою жажду деятельности и спокойно проспал до тех пор, пока его не выволокли на свет божий. Сеня с Поповым и вовсе не проснулись даже во время ночного забега по лагерю. И, судя по тому, сколько воды утром выпили оба, вино у Нахора обладало сверхсильным похмельным эффектом. То есть, грубо говоря, не вино это было, а обычная бормотуха. И счастливое выражение лиц моих ментов во время потребления оного напитка объяснялось отнюдь не божественным вкусом вина, как это я думал раньше, а обычной нестерпимой жаждой.

Самого маленького караван-баши в складках разрушенного шатра удалось разыскать не сразу. Как, впрочем, и разбудить. Нахор из чувства вежливости, видимо, вчера решил не отстаивать от гостей по части выпивки и, когда его помощники уползли восвояси, он еще продолжал пить с моими ментами. Ровно до того момента, пока не свалился мордой в рагу. Утром он осушил бурдюк воды, опохмелиться наотрез отказался и, отдав распоряжение отправляться в

путь, больше не произнес ни слова, с немим удивлением глядя на моих друзей, довольно резво передвигавшихся по округе.

В путь мы отправились ближе к полудню, и хотя Андрюша ворчал, что время обеденное, нужно сначала перекусить, а потом ехать, на его стенания никто внимания не обращал. Моих ментов погрузили на верблюдов, а я решил передвигаться на своих четырех, поскольку, как вы сами понимаете, после того, как половину ночи вылизывал шкуру от их вонючих слюней, особой любви к этому горбатому быдлу не испытывал.

Кроме меня, езде верхами воспротивился только Андрюша, у которого давно, со времен английских путешествий, установилась стойкая неприязнь к лошадям в частности и к парнокопытным вообще. Узнав, что ему предстоит ехать на верблюдах, Андрюша из всех сил решил воспротивиться этому. Чтобы доказать всю невозможность такого способа передвижения, он даже бросился ноги у верблюдов задирать, показывать всем копыта и дебатировать по поводу антагонистических отношений между ним и данным видом травоядных. При этом был настолько красноречив, что трое караванщиков расплакались, а тот верблюд, у которого он копыта считал, соседнему животному в морду плюнул. Видимо, от презрения к тем представителям парнокопытных, которые так долго и жестоко терроризировали несчастного Попова. Можно подумать, сам был из другого теста! Сеня, дослушав речь до конца, пожал плечами.

– Ладно, Андрюша, уболтал, можешь не ехать на верблюде, – кивнул головой мой хозяин. Попов расцвел. – Можешь идти пешком!

Андрюша понял, что при всем богатстве выбора другой альтернативы не будет. Либо он составит мне компанию в пешей прогулке по пустыне, либо заберется на спину верблюда и поедет дальше с относительным комфортом. Попов выбрал второе и тут же взобрался на спину того самого животного, которое совсем недавно плевром выразило свое презрение к антипоповским настроениям среди представителей парнокопытных. Видимо, для того, чтобы заверить страдальца в своих самых лучших намерениях, верблюд повернул голову к эксперту и начал шамкать губами, старательно подбирая умные и добрые слова. Попов это понял по своему.

– Я тебе сейчас плюну, скотина поганая! – рывкнул он, замахиваясь на верблюда дубинкой.

Несчастное животное оторопело. Мало того, что его поступок истолковали неверно, так еще и дубинками стали махать и выкрикивать оскорбления прямо в морду. Шокированный верблюд, оглушенный вдобавок мощными децибелами, потерял сознание и рухнул на передние ноги. Туша Попова тут же смяла собой первый горб и покатила на песок. Я-то в сторону отскочить успел, а вот оплеванный собратом по разуму верблюд все еще стоял на месте, раздумывая, за что ему была такая немилость. В него-то Андрюша и врезался. Бедное животное, не успев отойти от первого шока, получило второй и начало заваливаться на бок, прямо на своего соседа!..

Ох, не знаю, сколько времени мы во второй раз занимались бы раскопками каравана, если бы не Ваня Жомов. Вмиг сообразив (чего по его внешнему виду никогда не скажешь!), чем каравану грозят последствия падения верблюда, он одним броском оказался рядом с животным и, поймав его одной рукой, возвратил в вертикальное положение. По рядам караванщиков пронесся громкий вздох облегчения.

– Андрюша, не шали, блин, – ласково пожурил Попова омоновец. – Хочется пешком топтать, так иди. И нечего, в натуре, верблюдов по всей пустыне раскидывать.

– А я нарочно, что ли? – вскакивая на ноги, накинулся на Жомова Андрюша. – Ты же сам видел, что эта скотина проклятая меня сначала оплевать хотела, а потом еще и со спины скинула. Что мне делать теперь прикажешь?

– Равняйся, смир-р-рно! – рывкнул Жомов. – На верблюда шаго-ом м-марш!

– Ты не охренел? – оторопело уставился на него Попов.

– Сам же просил, чтобы я тебе приказывал, – Ваня так искренне удивился, что, были бы у меня руки, я бы схватился ими за голову. А так пришлось сделать вид, что я блох на себе ловлю.

– Да пошел ты... в стройбат газоны красить! – обиженно буркнул Попов, скинул с ближайшего верблюда погонщика и залез на спину животному, оторопевшему настолько, чтобы не оказать никакого сопротивления такой беспардонной смене седока.

Уж не знаю, то ли верблюды намного тупей, то ли пугливей лошадей оказались, но предать обструкции Попова, только что жестоко надругавшегося над их собратьями, даже не пытались. Сброшенный на песок погонщик удивленно посмотрел по сторонам, а затем забрался на свободное животное. Нахор печальным взглядом окинул караван и, скривившись от головной боли, махнул рукой, приказывая отправляться в путь.

Если честно, рассказывать о нашей поездке через пустыню практически нечего. Не знаю, как вам, но лично мне ничего привлекательного в желтых безжизненных просторах найти не удавалось. Почти всю дорогу я развлекался легкими издевательствами над верблюдами. Благодаря сложившимся ночью отношениям наша неприязнь была взаимной, и мне не стоило ровно никакого труда довести любое выючное животное нашего каравана до белого каления и заставить его харкаться в разные стороны. Причем я всегда старался сделать так, чтобы на верблюжьей линии огня оказывался его собрат по разуму.

Чаще всего это удавалось, и оскорбленное плевром в круп горбатое существо тут же разворачивалось, чтобы отплатить той же монетой своему обидчику. В этот раз меня уже на линии огня не оказывалось. Зато там находился абориген-наездник. Плевок, естественно, доставался ему, а некультурное животное тут же зарабатывало пару батогов и начинало страстно мечтать только о том, чтобы освободиться от погонщика и вдоволь расплеваться со своим двугорбым обидчиком. В итоге мне удалось перессорить всех выючных членов каравана, и я с наслаждением предвкушал, как вечером они начнут всеобщее оплевывание.

Остальные члены нашей команды развлекались каждый по-своему. Сеня, например, пополнял свои географические знания. Что, впрочем, не особо ему помогло. Я краем уха слышал, о чем он говорит с Нахором, когда от перессоривания верблюдов отдыхал, но четко уяснить для себя, куда именно мы попали, так и не смог. То есть наше географическое местоположение было относительно известно – мы в Египте; на юге находятся кушиты (эфиопы по-нашему), на западе гнездятся ливийцы, а проход на восток контролирует племя амаликитян. Сами караванщики были из Персии, а по Африке шатались исключительно ради добычи слоновой кости, которую сейчас везли в Мемфис, чтобы продать, купить папирус и везти его домой. Где снова продать, купить и так далее. В общем, нелегальные «челноки». С этим все ясно. А вот в какую именно эпоху нас угораздило забраться, ни мне, ни Рабиновичу определить не удалось.

Пока Сеня вытягивал из Нахора информацию, Попов с Жомовым развлекались каждый по-своему. Андрюша, обнаружив, что его верблюд загружен слоновой костью, а не съестными припасами, страшно расстроился и всю дорогу пытался найти способ, как стянуть со спины впереди идущего животного какой-нибудь баул. Что он только не пытался изобрести, но ничего лучше аркана так и не придумал. Попытки с двадцатой ему удалось добросить петлю до чужого верблюда, а еще через десять попыток зацепить цель. Ею, правда, оказался не баул, а погонщик, оказавшийся после рывка Андрюши на песке. Попов тут же отбросил веревку в сторону и сделал вид, что страстно увлечен рассматриванием бездонного неба, а поверженный им наездник, так и не сумев сообразить, что же сбросило его со спины верблюда, как был с веревкой на шее, так и бросился догонять свое животное.

Ваня Жомов, не переносивший безделья, попытался размять затекший ум преподаванием аборигенам воинского устава. И для начала решил их обучить передвигаться на верблюдах правильным строем. Эта нехитрая операция почему-то жутко напугала караван-баши, и он принялся умолять Рабиновича остановить Ваню. Сеня рыкнул на омовца, и тот, обидевшись

на весь белый свет, снова взялся за чистку пистолета. Причем делал это так усердно, что я, если честно, испугался за воронение его ствола. Еще сдерет его к котам облезлым! Останемся тогда без единственного в отряде оружия.

Впрочем, переживал я, естественно, зря. Жомов оружие любил и изуродовать пистолет мог только в состоянии буйного помешательства. Такой казус омовцу пока не грозил, и я, успокоившись, принялся вновь терроризировать верблюдов. Чем и занимался до самого вечера, когда на горизонте появились неясные очертания каких-то странных построек и необычных деревьев. Честное слово, поначалу я решил, что это мираж, но затем отчетливо уловил запах влаги, дыма и навоза. Судя по всему, мы приближались к какому-то поселению, и караван-баши в ответ на немой вопрос Рабиновича подтвердил мои догадки.

– Мемфис, – взмахнув рукой в сторону населенного пункта, произнес он. – Приехали типирь. Скоря отидихать будим.

А вот это уже было намного лучше, поскольку безлюдная пустыня уже успела нам порядком поднадоесть. Да вы сами подумайте, разве может нормальный милиционер долго обходиться без людского общества, не имея ровно никакой возможности ни для разгона манифестаций, ни для разгрома бандформирований, ни даже для элементарной проверки документов?! Подумали? Вот теперь вам, наверное, понятно, почему мои менты дружно грянули «ура!», заставив половину погонщиков и три пятых всех верблюдов обделаться от испуга.

Глава 4

Караван вышел на окраину Мемфиса, когда уже начинало темнеть. Нахор торопился, стремясь попасть в крепость до закрытия ворот, поскольку ночевать в бедных кварталах за городскими стенами считал опасным. Некоторое время он даже гнал своего верблюда бегом, и Рабиновичу, ехавшему следом, пришлось изрядно попотеть, чтобы заставить непонятливую животину двигаться с требуемой ему скоростью. Сеня и пятками верблюда молотил, и орал на него. Даже за горб укусить попытался, но ничего не помогало. Если бы не Мурзик, вовремя пришедший хозяину на помощь, отстал бы Сеня от каравана и провел бы ночь, кукуя под городскими стенами.

Окрестности Мемфиса произвели на ментов крайне отрицательное впечатление. Кривобокие дома, крытые гнилым камышом, загаженные улочки с кучами грязи и мусора на каждом углу и отвратительная вонь, которую, казалось, можно было резать ножом, вызывали у них если не отвращение, то презрительную брезгливость точно. В общем, при поездке через эти убогие кварталы у доблестных сотрудников российской милиции создалось впечатление, что они совершают экскурсию по поселению бомжей в центре городской свалки.

– Блин, узнала бы мама, где я шляюсь, заставила бы три часа в ванной с хозяйственным мылом драиться, – расстроено буркнул себе под нос Попов, но его откровения услышали.

– А спинку тебе тоже мама трет? – ехидно поинтересовался Рабинович.

– Нет, кот ее помогает, – зардевшись, огрызнулся Попов. – И вообще, не лезь в мои личные дела!

– Даже и не собирался, – Сеня простодушно заморгал глазами и так энергично пожал плечами, что едва не свалился со спины верблюда. – Просто факты собираю, чтобы быт великих искателей приключений для истории увековечить, – Рабинович скромно потупился. – Я ведь книгу про нас пишу. «Идиоты и я» называется...

– Что, серьезно? – удивился Жомов. – Ты только теще моей ее не показывай. Не поверит. Она и так моей Ленке говорит, что та с дураком связалась, а так подумает, что я и вовсе с ума сошел.

– И она права, – тяжело вздохнул Рабинович. – Есть у тебя ум, да пустосум. Смысл тебе объяснять, только время терять! – и, увидев, что Ваня быстро заморгал, пытаясь оценить величину оскорбления, махнул рукой. – Ладно, проехали. Теще своей привет передай. Скажи, что я ей целую главу в монографии посвящу!

Однако Жомова такая отмазка не удовлетворила. Он прищипорил своего верблюда, стараясь сблизиться с Рабиновичем для одарения одного подзатыльником, но в этот момент караван, возглавляемый Нахором, достиг, наконец, городских ворот. Тут же от стен отделились два низкорослых мужика в жилетках из дубленой кожи и, схватив короткие копыя наперевес, преградили дорогу караван-баши.

– Стоять на месте, бродяги! – рявкнул один из стражников. – Куда претесь, вонючие персы? Для вас места тут нет. Ищите себе приют где-нибудь на помойке!

– Извини, почтенный, – вежливо склонил голову Нахор. – У мене пиропуск и-есть...

– Это кого этот прыщ писклявый бродягами назвал? – перебил его Жомов, выезжая вперед. – Ты, чмо подворотное, кого на помойку отправить собрался?..

И, не дожидаясь ответа, Ваня свесился со спины верблюда и отвесил звонкую оплеуху стражнику. Медный шлем слетел у того с головы и расплющился о стену. Сам абориген полетел следом и, припечатавшись к той же стене, но немного ниже оттиска шлема, плавно сполз на землю, пуская слюни изо рта. Жомову этого показалось мало. Он спрыгнул с верблюда, подошел ко второму охраннику и, вырвав у него копые из рук, сломал древко о колено. Перепуган-

ный стражник попытался заорать, чтобы позвать кого-нибудь на помощь, но Жомов успокоил его, приложившись дубинкой по маковке шлема.

Видимо, этот головной убор оказался стражнику слишком велик или был изготовлен с добавлением резины. Он очень легко опустился вниз, скрыв под собой голову стражника полностью. Тот взмахнул руками, словно собирался улететь от настигшего его позора в лице Вани Жомова, но затем передумал и кардинально изменил направление, плавно спикировав вниз. Омоновец посмотрел по сторонам, выискивая еще какой-нибудь заменитель боксерской «груши», и, не найдя ничего подходящего, сокрушенно вздохнул.

– Ну что, поедем или стоять в воротах будем, словно Нигматуллин на чемпионате мира? – поинтересовался он у оторопевшего от неожиданности Нахора.

– Ай-ай-ай-ай-ай, пилохо получилось, – горестно вздохнув, покачал головой караван-баши. – Зачем солдата обидел? Теперь нас арестовывать будут.

– По хрену. Пусть попробуют, – хмыкнул Ваня и, шлепнув верблюда по крупу, принудил его войти в ворота.

Караванщику ничего другого не оставалось, кроме как попытаться проверить утверждение Жомова. Снова горестно вздохнув, он подстегнул замешкавшегося в воротах верблюда и направился к ближайшему постоялому двору. Караван гуськом последовал за ним, и лишь Ваня со своим верблюдом немного задержался в воротах, тщетно надеясь, что нагловатые стражники придут в себя и дадут ему возможность отвесить им еще пару тумачков. Однако те не подавали признаков жизни и расстроенному Жомову пришлось без продолжения спарринга догонять друзей.

Внутри крепостных стен Мемфис даже в потемках (а может, именно благодаря им?) выглядел вполне прилично. Улицы были вымощены камнем и казались относительно чистыми, крысы в роли патрульных на перекрестках не барражировали, дома, хоть и страдавшие прямолинейным кубизмом, выглядели довольно ровно и добротно, да и жуткая вонь предместий сюда не доносилась, сменившись довольно приятным ароматом жаркого и благовоний. В общем, внутренний город показался ментам вполне приспособленным для отдыха местом.

К удивлению ментов, во время путешествий привыкших к тому, что постоялые дворы всегда заполнены до отказа, тот, в котором остановился караван, до удивления напоминал российский питейные заведения ранним утром. То есть был почти безлюден, если не считать пары мужиков в мешковатых одеждах, отдаленно напоминающих греческие туники, и с синюшными рожами, до боли в груди похожими на физиономии наших синяков; четверых смуглолицых игроков в кости за дальним столиком да разбитной девицы, развалившейся на скамейке в углу.

Все присутствующие дружно обернулись навстречу вошедшим, а девица, увидев бородастых персов в сопровождении наряда милиции, тут же поднялась со своего места и пошла навстречу. Жомов нежно оскалился, посмотрев на аборигенов, и те тут же отвернулись, продолжив заниматься своими делами. Ваня разочарованно вздохнул и толкнул в бок Рабиновича, не сводившего с девицы глаз.

– Блин, Сеня, и тут подраться не с кем! – сокрушенно проговорил он. – Ну что это за отпуск, когда даже развернуться как следует не получается?

– Слушай, Жомов, если у тебя кулаки чешутся, то иди на улицу, – раздраженно ответил кинолог. – Я там сарай видел с быком в стойле. Вот иди к нему и бейте друг другу морды, сколько хотите!

– Да я бы с радостью, – хмыкнул омоновец. – Только ведь он сдачи мне не даст.

Жомов хотел еще что-то сказать, но не успел – девица подошла к ним вплотную. Выглядела она года на двадцать два. Красивые черные волосы волнами опускались на плечи, высокие груди вздымались от вздохов, словно морские волны при девятибалльном шторме, а правильные черты лица озаряла улыбка. В общем, выглядела она так, что даже однолюб Ваня, которого жена к тому же запугала настолько, что он на девушек старался даже не смотреть, застыл,

разинув рот. А девица остановилась прямо перед Сеней и грациозно положила ему руку на плечо. Рабиновича словно током ударило.

– Хелло, мальчики! Поразвлекчься не желаете? – певучим голосом произнесла она. Теперь током ударило Жомова.

– Пошла отсюда, шалава, а то в отдел заберу! – рывкнул он. – Там тебя в камере так развлекут, что неделю в туалет ходить не сможешь!

С девицей мгновенно произошла разительная метаморфоза. Улыбка сползла с ее лица, плечи опустились и груди ушли куда-то внутрь, видимо, решив, что лучше будет не высываться. Девица сникла, раза два или три открыла рот, словно проглатывая заготовленную заранее фразу, а затем совершенно неожиданно для ментов зарыдала, уткнув лицо в руки. Все трое путешественников (вместе с Мурзиком!) оторопело уставились на нее.

– Нет, я, конечно, видел, как может расстроиться женщина, когда не получает того, чего хочет, но чтобы так реветь?! Да по какому поводу? – покачав головой, удивленно проговорил Рабинович. – Чудеса какие-то. Может быть, тут из мужиков, кроме евнухов, никого не осталось?

– Да нет, Сеня, это еще цветочки. Вот моя Ленка, когда я ей норковую шапку отказался купить, такое мне устроила... – Жомов оборвал себя на полуслове и махнул рукой. – В общем, женишься, поймешь, что к чему. Выучишься!

– Нет уж, благодарю покорно, – замахал руками Рабинович. – Предпочитаю остаться не ученым, но холостым. А то вдруг еще вот такое плаксивое существо попадется, придется по дому в болотных сапогах ходить и Мурзика в аквалангисты переквалифицировать.

– Да что вы к девушке пристали, – вступился за даму, продолжавшую реветь во весь голос, Попов. – Вы у нее спросили, может быть, она есть хочет! Девушка, хочешь есть?

Плаксивая аборигенка замолчала так же резко, как и начала свое соло для всхлипов со слезами. Она оторопело уставилась на Андрюшу, абсолютно отказываясь верить в то, что услышала, а затем вдруг завопила истошным голосом так, что у троих друзей, да и не только у них, барабанные перепонки заложило:

– Ничего вы не понимаете! Всю жизнь стараюсь сделать кому-нибудь приятное, принести радость людям и всегда натыкаюсь на скотскую неблагодарность. Даже сейчас... когда я... вот вам вся... а вы, эх! – и, разразившись новыми потоками слез, девица бросилась прочь из трактира.

– И чего я такого сказал? – удивленно поинтересовался Попов, глядя ей вслед.

– Просто, Андрюша, дамочка испугалась, что, кроме дуры, каковой является от рождения, она станет еще и жирной уродиной благодаря твоей заботе, – пояснил Рабинович. – Приобретения такой фигуры, как у тебя, девица бы не перенесла!

– На себя посмотри, дистрофик длинноносый, – обиделся на него Андрей. – А между прочим, хорошего человека должно быть много.

– Если в тебе и жил когда-то хороший человек, то он давно благополучно почил в залажах сала, – парировал Рабинович, и неизвестно, в какие еще дебри казустики забрался бы их разговор, если бы в этот момент у Сени под носом не завопил Иван. Шлепнув Рабиновича по плечу так, что тот едва не зарылся вместе с носом в доски трактирного пола, Жомов помчался к местной стойке бара.

– Мужики, там, похоже, местное пиво дают! – вопил он на ходу. – Ищите столик, а я пока для затравки по кружечке нам организирую.

Кинолог с экспертом переглянулись, но продолжать словесную дуэль не стали. Оба знали друг друга тысячу лет и прекрасно понимали, что в их споре никогда не будет победителя. И весовые категории у них разные, и уровень интеллекта не идентичный, да и словарный запас здорово разнится по объему. Причем у Попова основное место в голове занимали термины, относящиеся к приему и приготовлению пищи, а Сеня Рабинович мог бы с утра до вечера

говорить о получении прибыли с каждого рубля и женщинах, эти несчастные рубли растрачивающих. В общем, Рабинович, он и в Африке Рабинович.

Андрюша с Сеней еще раз переглянулись, постаравшись этими взглядами отравить другу другу оставшуюся часть жизни, и поспешили к стойке, чтобы не попасть к шапочному разбору. Занимать заранее столик никто из них не стал, решив, что сидячее место – дело наживное, а пиво, оно ведь и кончиться может. Поэтому, когда Ваня умудрился заграбастать по три кружки хмельного напитка в каждую руку и обернулся, чтобы поделиться с друзьями, он никого из них не увидел. Более того, все немногочисленные столики в забегаловке уже были заняты.

– Поп, блин, убью гада! – завопил Иван, оглядываясь по сторонам. – Сейчас ты, кабан толстый, и стол и пуфик мне одновременно заменишь.

– Ты чего орешь, идиот? – полюбопытствовал Попов, выныривая из давки у стойки с двумя кружками пива в руках. – Крайнего нашел?

– А ты еще скажи, что евреи во всем виноваты! – отрезал Рабинович, нарисовываясь рядом. Две полные кружки были зажаты в его ладонях, а еще две он прижимал к бокам локтями. – Чего ты опять стрелки переводить надумал?

– Да пошли вы все... компрессию ведрами таскать! – Жомов устал их слушать и устремился к ближайшему столику.

Не обращая никакого внимания на то, кто именно занимает места, Ваня опустил свою пятую точку на скамейку и проехался по ней до конца, сметая всех на своем пути. Грохнув кружками с пивом об стол, он так цыкнул на аборигенов, занимавших скамейку напротив, что тех буквально ветром сдуло из-за стола, вымело из трактира на улицу, и больше их в этом кабаке никто и никогда не видел. Вот она, сила омоновского убеждения!

Сеня и Попов тут же заняли их места и глотнули из своих кружек. Напиток и вправду походил на пиво, только был несколько горче, чем требовалось по ГОСТу, и здорово шибал в нос запахом каких-то трав. Рабинович причмокнул губами, одобрительно хмыкнул и осушил одну из своих кружек до дна. Попов завистливо посмотрел на него и потребовал у друзей разделить пиво поровну.

– Ты мне тут со своей уравниловкой коммунизм не устраивай! – сердито буркнул он. – Кто не успел, тот не съел. А кому выпить мало, пусть утрет хлебало.

Попов потряс головой, стараясь сообразить, к чему Сеня это сказал. Рабинович хитро прищурился в ответ и выпил еще полкружки.

Караванщики к тому времени успели распределить все сидячие места в кабаке. Однако в ответ на экспансию Жомова вынуждены были потесниться, освободив краешки скамеек для своих товарищей, побитых и оскорбленных бессовестным омоновцем, перестали обращать на ментов внимание и занялись обсуждением местных рыночных отношений. Трое друзей, оккупировав шестиместный столик, сидели в относительном комфорте и свысока поглядывали на персов. Андрюша Попов маленькими глоточками цедил местный аналог пива из кружки, завистливо-обиженно посматривая на своих друзей. Его взгляд вдруг напомнил Сене грустную морду Мурзика, вынужденного в окошко наблюдать за собачьими свадьбами, и Рабинович сдался. Отобрав две кружки у Жомова, он придвинул их Попову. Андрюша расцвел, а в ответ на попытку омоновца вернуть себе утраченное добро Рабинович стукнул его по рукам.

– Оборзел, Ваня? Считать не умеешь? – рявкнул он на друга. – У всех по четыре кружки. Куда же ты, быдло ментовское, свои лапы тянешь?

– От мента и слышу, – буркнул омоновец, но чем возразить арифметике Рабиновича, придумать так и не смог.

Объемы пива постепенно подходили к концу, и друзья начали подумывать о том, что не мешало бы что-нибудь и сожрать. Сеня пристально посмотрел на караван-баши, пытаясь взглядом принудить его раскошелиться на ужин. Однако Нахор, видимо, решил, что с прибытием в Мемфис строить из себя гостеприимного хозяина больше не стоит. Перс старательно

прятал глаза и делал вид, что вообще не знаком с ментами. Рабинович, оторопевший от такой наглости, собрался уже встать с места и вправить изменчивому персу мозги, но в этот момент он обратил внимание на худощавого человека, вынырнувшего из-за стойки. Парень до боли в сердце напомнил Сене брата, которого, кстати, никогда не было, но иметь очень хотелось. Вот только передвигался он так, как ни один уважающий себя Рабинович ходить бы не стал, – сгорбившись, втянув голову в плечи и немощно шаркая ногами. Сеня удивленно нахмурился, а парень, не обращая на него внимания, поплелся к столику, за которым сидели смуглолицые игроки в кости.

– Оплатите счет, пожалуйста, – дрожащим голосом проговорил он, обращаясь к подвыпившей четверке.

– Нэт серебра, – радостно ухмыльнувшись, ответил один из них – небритый и широкоплечий.

– Счет оплатите, пожалуйста, – парень явно не рассчитывал, что его просьбу выполнят, но отступить, видимо, не имел права.

– Э-е, ты что, не русский? – удивленно поинтересовался еще один из игроков. – Тебе говорят, нэт у нас серебра!

– Тогда платите штраф, – вынес новое предложение Сенин «брат». В ответ все четверо дико заржали.

Жомов, также обративший внимание на эту сцену, начал было подниматься со своего места, но Рабинович жестом остановил его. Отцепив дубинку от пояса и проверив ее на гибкость, Сеня неторопливо подошел к умирающим от смеха игрокам и, не говоря ни слова, звезданул одного из них – широкоплечего и небритого – «демократизатором» по голове. Тот икнул и сполз под стол, решив, видимо, что там будет комфортнее. Остальные мгновенно замолчали, испуганно глядя на дубинку в Сениных руках.

– Оплатите счет, – грозно посоветовал он, поигрывая «демократизатором».

– Э-е, не убивай, брат, – затараторил второй остряк, отцепляя от пояса кошель. – Серебро возьми, золото возьми, но не убивай. Слышишь, брат?!

– Не брат ты мне, гнида черножопая, – покачал головой Рабинович и стукнул наглеца, посмеявшегося объявить всем о мнимом родстве, дубинкой по голове, одновременно выхватив у него из рук кошель. Смуглолицый тут же стек вниз, присоединившись под столом к своему товарищу.

– Сколько они тебе должны? – поинтересовался у паренька Сеня. Тот назвал сумму.

– Быстро заплати, – приказал Рабинович двум оставшимся за столом любителям азартных игр, пряча за пазуху экспроприированные ценности (а как же? нужно же компенсацию взять за оскорбительное навязывание в родню!). Смуглолицые, трясаясь от страха, бросили на стол несколько кусочков серебра и, наплевав на своих товарищей, как совсем недавно верблуды на Мурзика, умчались прочь из кабака. А Сеня повернулся к пареньку.

– Не бойся, больше они к тебе приставать не будут, – покровительственно проговорил он. – Как тебя зовут?

– Иисус... – Рабинович поперхнулся и выронил из рук дубинку, – ...Навин, – Сеня облегченно вздохнул и поднял с пола персональный ударный инструмент.

– Фу, как ты меня напугал, – пробормотал он в то время, как новый знакомый не сводил с него удивленно-благодарного взгляда. Рабинович пристегнул дубинку на пояс, похлопал паренька по плечу и лишь только тогда сообразил, с кем именно он разговаривает.

– Что-о-о?! Иисус Навин?! – Рабинович поперхнулся повторно. – А год сейчас какой?

– НУ ЧТО ТЫ, ДУРАК, КО ВСЕМ СО СВОИМИ ДАТАМИ ПРИСТАЕШЬ? – тот же самый громовой голос, который менты уже однажды слышали в пустыне, буквально заполнил собой все помещение кабака.

Перепуганные караванщики тут же свалились на пол, закрыли головы руками и начали истошно выть, выкрикивая какие-то идиотские имена, такие, как Гор (при чем тут бывший госсекретарь США?), Амон (Жомов удивленно восторженно), Сет (ау, где Курникова?) и Тот (о ком именно шла речь, не уточнялось!). Навин вместе со всеми не стал вопить. Он лишь побледнел как мел, но стоял рядом с Рабиновичем, не двигаясь с места. Может быть, просто ноги отказали? Ну, а менты закрутили головами, пытаясь определить источник звука.

– НЕ ЗНАЮТ ОНИ, КАКОЙ СЕЙЧАС ГОД, И ЗНАТЬ НЕ МОГУТ! – продолжал громыхать голос, совершенно не обращая внимания на замешательство, царившее в трактире. – СКАЗАНО ТЕБЕ, ДЕЛОМ ЗАЙМИСЬ. ИБО... КХЕ-КХЕ, – прокашлялся неизвестный, секунду помолчал, а затем закончил фразу:

– ИБО СОЧТЕНЫ ДНИ ТВОИ И ТВОИХ ПРЕДКОВ... ВО, БЛИН! КТО ЭТУ ДУРЬ ПРИДУМАЛ?!

Продолжение фразы не последовало. Голос стих, и стало слышно, как у персов стучат зубы. Попов непрерывно ерзал на скамейке, полностью отдавшись навязчивой идее поиска громкоговорителя. Рабинович не сводил глаз с Навина, совершенно отказываясь поверить в происходящее, а Жомов встал из-за стола и подошел к толстому бородатому бармену. Тот просто приклеился к стойке и не сводил испуганных глаз с омовца.

– Значит, это твои шутки? – грозно полюбопытствовал он у толстяка. – Ну, блин, ты и гусь, РГД тебе в задницу! Сейчас ты мне объяснишь, как ты все это устраиваешь, и где ты, свинья волосатая, в пустыне прятался.

– Я... я... я... – похоже, ничего другого бармен выдавить из себя не мог.

– Вот именно, «я, я, яволь!» – исчерпал Жомов свое знание иностранных языков. – Сейчас ты у меня заговоришь. Я тебе язычок быстро нормальным концом подвешу.

– А какой из концов языка нормальный? – ехидно поинтересовался у омовца Рабинович. Ваня удивленно обернулся. – Оставь его в покое. Бармен тут ни при чем. А вот мы, вполне вероятно, во что-то снова вляпались, – Сеня хлопнул Навина по плечу. – Пошли, братан, посидишь с нами.

– В натуре, давай к нам за столик, – Жомов тут же оставил бармена в покое. – Ты мужик нормальный, смотрю. Не чмо. Садись, выпьем, побазарим.

– Спасибо, уважаемые, но мне нельзя, – Навин потупил глаза. – На работе не положено.

– Если водка мешает работе, – омовец поднял палец вверх, – брось ты на хрен эту работу. А если этот фашист, – омовец кивнул головой в сторону трясущегося бармена, – наезжать начнет, я ему быстро чайник в кофейник трансформирую.

Парень задумчиво посмотрел в сторону бородатого толстяка, а затем махнул рукой.

– А-а, будь что будет, – воодушевленно проговорил он. – Как говорит Моисей, на халяву и укус сладкий. Все равно эта египетская свинья мне ни серебром, ни медью не платит. Зарплату продуктами выдает. Уж лучше обратно на кирпичи пойду. Там хоть выслуга идет, год за три.

Пока менты со своим новым приятелем устраивались за столом и требовали от бармена выпивку и закуску, оба побитых игрока под шумок уползли из кабака, а перепуганные персы наконец пришли в себя и вернулись к покинутой трапезе. К Нахору вновь вернулся интерес к личностям своих недавних попутчиков, и теперь он принялся сверлить Рабиновича взглядом, явно намереваясь о чем-то спросить, но Сеня не обращал на него никакого внимания, удивленно разглядывая Иисуса Навина.

– Как ты уже, наверное, понял, мы издалека и в местных делах ориентируемся слабо, – усмехнулся Сеня. – Давай-ка выпьем за знакомство, а потом ты доложишь оперативную обстановку.

Навин кивнул, лихо опрокинул внутрь предложенную кружку довольно приличного вина и вытер губы тыльной стороной ладони. Несколько секунд он сидел, довольно улыбаясь и сохраняя на лице выражение блаженства, а затем вдруг скривился, закашлялся и исторгнул

выпитое обратно в кружку. Попов поморщился, Рабинович осуждающе покачал головой, а Жомов похлопал Навина по плечу.

– Да-а, братан, – протянул он. – Тебя еще многому учить нужно.

– Вот и возьми над ним опекунство, – ухмыльнулся Сеня. – Глядишь, друг друга чему-нибудь да научите.

– Пойдешь? – грозно рыкнул Ваня, обращаясь к Навину.

– В ученики? Можно, – с легким сомнением в голосе ответил тот. – А сколько платить будете?

– Че-его? – поперхнулся Жомов, а Попов ехидно заявил:

– С таким чудом мы, похоже, первый раз сталкиваемся. Сеня, этот парень, случайно, не родня тебе?

– Все мы родня друг другу, – буркнул в ответ Рабинович. – Через Адама и Еву. А этот парень – Иисус Навин.

– Кто? Тот самый? – Попов вытаращил глаза, становясь полностью идентичным зажаренному на вертеле поросенку. И по цвету, и по квинтэссенции, и по умственным способностям.

– Тот самый, – кивнул головой Рабинович. – Хотя, если не веришь, можешь попробовать отпечатки пальцев у него снять.

Попов пошарил вокруг руками, отыскивая чемоданчик с принадлежностями для снятия «пальчиков», а затем накрыл кинолога отборным трехэтажным фирменным ментовским матом. Это словесное извержение позволило ему прийти в себя, и успокоенный криминалист тут же совершил обратную деформацию: из жареного поросенка – в живую жирную сви... В общем, в Андрюшу Попова. На чем и остановился.

Собственно говоря, Рабинович прекрасно понимал его состояние. Он и сам едва сдвиг по фазе не заработал, когда имя этого официанта из мемфисской забегаловки услышал. Все-таки одно дело хвосты всяким Зевсам и Одинам из параллельных вселенных крутить, а другое – повстречаться с живым подтверждением реальности библейских легенд. Как-никак, Иисус Навин – не последний человек в Ветхом Завете. Правда, Сеня в библейских сказаниях не слишком подкован был, но кое-что о своем новом знакомом слышал от тети Сони. Конечно, Навина Рабинович себе несколько по-иному представлял, но...

Сеня подозрительно посмотрел на Попова.

– Слушай, эксперт-алхимик, – поинтересовался он. – А ты уверен, что твое зелье нас не занесло снова в какой-нибудь параллельный мир?

– Ты меня за лоха не держи! – авторитетно заявил захмелевший Попов. – Мерлин же не в иную вселенную, а в наше с вами время попал. Это значит, что по его рецепту мы между мирами путешествовать не можем. Отсюда и вывод: мы в нашем с вами прошлом.

– Угу, – согласился с ним Рабинович. – Ты уже однажды по мерлиновскому рецепту нас к Одину в гости забросил...

– Не надо попкорн с кукурузными хлопьями путать, – тоном, не требующим возражений, перебил его криминалист. – В тот раз мы серьезную ошибку допустили. Ну скажите мне на милость, разве можно самца яйца посадить высидывать. А тем более не свои, а куриные?

– Так, значит, мы в прошлое попали? – Жомов иногда проявлял просто чудеса сообразительности. – А вы помните, что нам Горыныч о спирали времени говорил?

Рабинович с Поповым поперхнулись закуской и оторопело уставились на омовца. Действительно, за тяготами и лишениями, столь характерными для тяжелой доли путешественников, ни кинолог, ни криминалист не вспомнили о том, какую истерику им закатил Ахтармерз Гварнарытус при первой встрече, когда узнал, что трое ментов не из параллельного мира, а из будущего собственной вселенной. Горыныч тогда пригрозил ментам необратимыми последствиями такого безрассудного поступка, и все трое могли эти «последствия» в живую лицезреть. Со временем менты об этом позабыли, и вот теперь пришлось вспоминать.

– Вот теперь я точно знаю, во что мы вляпались, – задумчиво проговорил Рабинович. – Похоже, мужики, каникулы в Простоквашино закончились. Сегодня еще здесь тусуемся, а завтра, Андрюша, ты изготовишь свое пойло и отправишь нас обратно. Ясно?

– Придется, – горестно вздохнул Попов. – Только дайте мне сначала наесться. А то ведь дома я жареного барашка целиком никогда не увижу...

– Чревоугодник хренов, – буркнул в ответ Сеня.

И в этот момент в разговор встрял Иисус Навин. Менты, увлекшись обсуждением своих собственных проблем, совершенно забыли о его присутствии. Он несколько раз вежливо попытался обратить их внимание на себя, понял, что это не получится, и принялся накачиваться вином. Вторая и третья, после неудачной первой, пошли внутрь удивительно легко, и Навин, явно не приспособленный к обильному употреблению алкоголя, быстро захмелел. Несколько секунд он отупевшим взором рассматривал столешницу, а затем довольно бесцеремонно ткнул Жомова кулаком в бок. Омоновец от неожиданности так оторопел, что даже забыл врезать официанту в ухо.

– Ну так что? – заплетающимся языком поинтересовался он. – Так сколько ты мне будешь платить за работу твоим учеником?

– Слышь ты, чувак, вали-ка отсюда... под хвост к верблюду! – прорычал омоновец, не знакомый с Ветхим Заветом и потому не испытывающий никакого почтения к его персонажам. – Нам без тебя проблем хватает.

От этого рыка Навин мгновенно протрезвел так, словно на него ведро ледяной воды вылили. Оторопело посмотрев на Жомова, парень перевел взгляд сначала на Рабиновича, а затем на Андрюшу. Все трое сидели с каменными выражениями на лицах, и Навин зябко поежился, видя такую перемену в отношении к себе. Втянув голову в плечи, он поднялся со скамейки.

– Извините, почтенные, если обидел вас вопросом о деньгах, – убитым голосом проговорил он. – Просто поймите меня правильно. Я человек бедный, и мне...

Договорить он не успел. Дверь в трактир с грохотом слетела с петель, и внутрь помещения ввалилась толпа разъяренных оборванцев, вооруженных кольями, дубинками и прочей ударно-костоломной амуницией. Возглавлял ее толстый абориген, почти не уступавший ростом Ване Жомову, но намного тяжелее его. Окруженный оборванцами стандартного для местных жителей размера, толстяк выглядел настоящим гигантом и явно гордился этим. Увидев в омоновце конкурента своей исключительности, громоздкий абориген угрожающе зарычал. Из-за его спины, словно Табаки из-под хвоста Шерхана, выглянул тот самый смуглолицый, которого Рабинович отправил под стол первым. Увидев его, персы бросились врассыпную, прижимаясь к стенам, а менты медленно поднялись из-за стола.

– Вот они, шакалы поганые! – завопил смуглолицый, тыча пальцем в российских милиционеров. – Длинноносый еврей на меня наехал, а тот бычара здоровый у них за главного! А еще они сказали, что все ливийцы – чмыри, – для пущей убедительности приврал он.

– Гляди-ка, Сеня, как этот чувак твою национальность точно определил, – хмыкнул Попов. – Видать, вы и в этом времени популярностью пользуетесь.

– Зато славянскую свинину здесь, похоже, не любят, – злобно оскалившись, парировал Рабинович. – Оттого на тебя и внимания не обратили!

Попов попытался продолжить словесное фехтование, но не успел. Орда оборванцев, возглавляемая бегемотом в человеческом облике, истошно завопив, словно стая котов, прищемленная одной дверью, рванулась вперед. Слоноподобный абориген быстро передвигаться не мог, поэтому явно задержал наступление разъяренной орды. Передние ряды еще успели умерить свой пыл и притормозить перед его необъятной кормой, а вот задние этого маневра не заметили. Ворвавшись в трактир, они с таким энтузиазмом понеслись вперед, что просто впрессовали своих собратьев по дреколю в спину неуклюжего гиганта. Тот, не ожидавший

нападения сзади и не успевший подстраховаться, просто обрушился плашмя вперед, сломав своей тушей стол.

– Ну вот, блин! – обиженно проговорил Жомов, глядя на поверженного гиганта мысли и отца местной демократии. – А с кем я теперь драться буду?

Впрочем, горевал Иван недолго. Жирный боров-переросток с удивительной для своей комплекции скоростью оказался на ногах. Правда, проявить такую же прыть при движении к омовцу толстяку не удалось (видимо, тазобедренный сустав плохо функционировал), но отзывчивый Жомов поспешил облегчить страдания. В два шага преодолев разделявшее их пространство, Ваня остановился перед гигантом, вежливо предоставив тому право первой подачи.

Толстый абориген, увидев противника в радиусе действия своих кулаков, радостно хмыкнул и, от души размахнувшись, попытался окончательно расплющить курносый славянский нос омовца. Ваня обиженно вздохнул, разочаровавшись в искусности противника и, спокойно отступив в сторону, позволил толстяку промчаться мимо. Ну, а чтобы гигант не скучал всю дорогу до встречи со стенкой, Жомов одарил его ударом дубинки по затылку. Абориген хрюкнул и, разнеся в щепки стойку бара своей тушей, успокоился на полу.

Пока два титана сражались (если, конечно, их стычку так можно назвать!), остальные тоже не бездействовали. Толпа с колами, предоставив возможность своему предводителю лично разобраться с самым грозным из обидевших их друга чужестранцев, бросилась дубасить двух оставшихся врагов ливийского народа.

Рабинович сокрушенно вздохнул, не заметив на аборигенах никаких металлических предметов, но деваться было некуда. Если необычные свойства резиновых дубинок использовать не получится, то придется с налетчиками разобраться и без них. Благо Сеня не зря в милиции несколько лет проработал и у него опыт участия в таких стычках имелся. Да и Мурзик никуда из-под стола не уполз!

Первых двух нападавших Сеня просто стукнул лбами друг о друга, третьему дал пинка, отправляя в юрисдикцию Попова, а четвертому самым бессовестным образом привел в негодность его мужское достоинство. Тот взвыл и упал на колени, предоставив Мурзику возможность укусить себя за нос. Что пес, хоть и не любивший вкус человечины, сделал, дабы порадовать своего хозяина.

Увидев необычного пса, явно выделявшегося и размерами и окрасом среди мелких местных шавок, обиженные Рабиновичем ливийцы остановились. На несколько секунд они замешкались, видимо, раздумывая, как и персы ранее, не являются ли хозяева такой огромной собаки служителями Сета, а затем, придя явно к отрицательному выводу (жрецы по кабакам не шляются!), снова бросились в атаку.

Но было поздно. Жомов, разделавшись с предводителем агрессивно настроенной ливийской диаспоры Мемфиса, пришел друзьям на помощь. Он легко поднял один из столов и, используя его в качестве ножа бульдозера, сгреб всех аборигенов в один угол. Те, жалобно хрюкнув, спрессовались в однородную массу и плавно стекли на пол. Жомов отбросил стол и оглянулся по сторонам, выискивая новых противников. Таковых вокруг не оказалось!

– Ну вот, блин, так всегда. На самом интересном месте, – горестно вздохнул он и обернулся к друзьям. – Ну что, мужики, пошли дальше бухать? – а затем обернулся к персам: – Вынесите этот мусор на улицу, а то они весь пейзаж портят.

Перепуганные караванщики тут же бросились выполнять распоряжение «великого богатура», а Жомов, хлопнув ладонью по столу, от чего тот едва не развалился, потребовал у бармена (он же владелец кабака, он же жирный баран, он же чмо нерусское) принести ментам побольше вина. Толстый кабатчик, стелая, копался пару минут в своих кладовых, а затем вернулся назад с кувшином вина в каждой руке и, поставив их на стол перед грозными гостями, повернулся к Навину.

– Что стоишь, как крокодил в порту, ленивый оборванец, – накинулся он на официанта. – Быстро убирай обломки, иначе быть тебе битым, еврейская морда.

Сеня, вспомнив, до чего может довести вмешательство в судьбу людей из прошлого, действительно, хотел оставить Навина в покое и не иметь никакого касательства к его личной жизни. Он и правда не хотел бить кабатчику в челюсть и уж меньше всего собирался выбивать тому зубы. Просто все само собой получилось. И на Иисуса бармен зря наехал, и еврейской мордой его не вовремя назвал, и пустые кружки никто убрать со стола не позаботился, а уж о том, чтобы сковать руки кинолога наручниками, даже и мысли ни у кого не было! Именно поэтому левая рука Рабиновича сама, без ведома хозяина, схватила кабатчика за грудки, а правая подняла со стола кружку и врезала ею наглецу по зубам. Тот выплюнул последние два клыка, оставшиеся во рту, заплакал и побежал жаловаться теще – несчастный кабатчик был сиротой! Обратно он вернулся еще и с синяком под глазом, но уже без слез.

– Оплачиваем ужин, – буркнул он, останавливаясь около ментов и буравя их абсолютно чумным взором. – С вас пять с половиной сиклей серебра по вавилонскому счету.

– Че-его?! – взревел от изумления Рабинович.

– И правда, чего это я? – оторопело заморгал глазами толстяк. – Блин, на целый сикль ошибся! Шесть с половиной сиклей, конечно же...

Сеня снова не сдержался и, вскочив с кресла, залепил кабатчику увесистую оплеуху. Тот затряс головой, словно бык, боднувший вместо тореадора статую Минину и Пожарскому. Несколько секунд кабатчик вращал глазами, а затем, на секунду сфокусировав взгляд на переносице, постепенно пришел в себя. Обведя взглядом ментов, не спускавших с него глаз, толстяк удивленно поинтересовался:

– Вы меня зачем-то звали?

– Вот, блин, классно у него теща «машется»! – восхищенно проговорил омоновец. – Всего-то разочек в глаз стукнула, и шарики у этого чукчи с роликов стряхнула. Вот бы ее к нам, в ОМОН, двери вышибать.

– Да, заткнись ты, болтало коровье, – отмахнулся от него Рабинович и посмотрел на кабатчика. – Звали, голубчик, звали. Нам нужно три комнаты для ночлега, по кувшину пива в каждый номер и свежее белье. Без блох и клопов. А то я их всех в банку переловлю и тебе в задницу черенком от лопаты затрамбую. Ясно? – кабатчик утвердительно кивнул головой. – А сейчас давай рассчитаемся за ужин. Только свою пургу дурацкую по поводу сиклей гнать перестань. Иначе сейчас без своего сикля окажешься, пойдешь в участок и будешь объяснять, почему наличную вавилонскую инвалюту к оплате принимаешь.

Толстяк кивнул, готовый согласиться со всем, что скажут российские менты, и, достав откуда-то из-под своей набедренной повязки папирусный свиток, начал читать:

– Дорогой пупсик, целую тебя в пупочек, – кабатчик зарделся. – Ах, извините. Это не то, – он снова начал рыться лапищей где-то в районе того самого, письменно оцелованного пупка. – Ага, вот. Мемфисский заменитель пива – двенадцать кружек...

Владелец трактира довольно долго зачитывал весь список, включающий в себя и побитую посуду, и поломанные столы с прилавком, и ставшие калеками скамейки. Не забыл он упомянуть и о собственной утрате – двух выбитых зубов! Сеня слушал его не перебивая. А когда хозяин кабака назвал итоговую цифру, Рабинович вкрадчиво проговорил:

– Я смотрю, у тебя с математикой все в порядке. Вот только с составлением прејскуранта существуют серьезные проблемы. Чувствуется отсутствие руки мастера. Но это дело поправимое. Сейчас я тебя научу, как правильно преподносить клиенту счет, чтобы и волки были сыты, и овцы целы, и пастух домой пару окороков принес...

Сеня встал со скамьи, и кабатчик зажмурился, ожидая новой зуботычины. Однако ее не последовало. Вместо того чтобы применить для обучения дубинку, Рабинович неожиданно для друзей обнял толстяка за плечи (если точнее – сграбастал под мышку) и повел того в сто-

ронку, что-то оживленно бормоча вполголоса. Все присутствующие в кабаке, в том числе и Нахор, застыли, ожидая развязки. А когда минут через пять после начала интимного разговора кабатчик отвязал от пояса кожаный кошель и высыпал в руку Рабиновича горсть серебряных кусочков, при этом радостно приплясывая, бородатый караван-баши не смог удержаться. Он встал с места и принялся аплодировать Сене. Следом за ним захлопали в ладоши и остальные члены каравана, устроив Рабиновичу, застенчиво раскланивающемуся, настоящую овацию. Нахор подошел к нему и, глядя снизу вверх, с надеждой произнес:

– Я тебе, уважаемый, пиросить не могу, но есили ты на-идеешь для мене завтира минутку и поможешь пиродать товар, киянусь своими верблюдами, чистно отидам половину пирибыли! – караван-баши на мгновение задумался. – А-а, и диве трети за такой урок для тебе ни жалко! По рукам, а?

– Андрюша, ты к какому сроку завтра эликсир изготовить сможешь? – у Рабиновича плотоядно загорелись глаза.

– К вечеру, не раньше, – вздохнул криминалист. – Только смотри, Сеня, доиграешься. А то ты вечно куда-нибудь вступаешь. То в ДОСААФ, то в дерьмо.

– Не учи отца пеленки ныкать, – отмахнулся от него Рабинович и повернулся к ожидавшему ответа Нахору. – По рукам!

Оба мемфисских бизнесмена пожали друг другу руки. Данная процедура сопровождалась вокалом караванщиков, исполнивших народную персидскую песню «Ой, то ни вечер, то ни вечечо-о-ор...». После чего кабатчик притащил еще несколько кувшинов с вином (что особо обрадовало Жомова) за счет Нахора (что привело в восхищение Рабиновича). Лишь один Попов горестно вздохнул, всем своим видом давая понять, что наложил страшное проклятие на тот день, когда ему в руки попала мерлиновская книга заклинаний. Впрочем, поповскую кручину тут же разогнали, поставив ему под нос целиком зажаренного барашка: сбылась мечта идиота!

Пиршество пошло на второй круг. А когда персы уже в четвертый раз подряд пили за «сделку века», заключенную между их боссом и российским кинологом, дверь в кабак открылась. Третий раз за вечер. Ожидая какого-нибудь очередного подвоха, пирующие замолчали, и в наступившей тишине в кабак зашли два седобородых старика, выглядевших практически идентично. Захмелевший Жомов принял их за близнецов и, покачав головой, поинтересовался:

– Блин, а как это их жены различают? Или она у них на всех четверых одна?

– Г-г-г... – не отвечая на такой риторический вопрос, заголосил первый из вошедших.

– Горе мне! – тут же на весь кабак перевел другой.

– Ф-ф-фа-ф-фа... – первый заткнулся и ткнул клюкой задремавшего во время этой речи напарника. Тот встрепенулся.

– Фараон велел гнать меня со двора! – с безмерной скорбью в голосе второй старик тут же досказал оборванную фразу. – Плачьте, люди, ибо нет больше на свете ни благородства, ни человеколюбия, ни копченых лягушачьих лапок!..

– Ну-у, началось, – кабатчик уронил кувшин с вином на пол и бессильно опустился на скамью.

– Кто это такие? – удивленно поинтересовался Сеня.

– Моисей с Аароном, – вместо толстяка ответил официант. – Великие еврейские борцы за равенство конфессий.

Рабинович медленно отстегнул челюсть и опустился на скамью. Сейчас, если бы кто-нибудь предложил ему сделать так, будто поповский эликсир менты даже не пробовали и продолжали бухать у Сени на квартире, он бы, наверное, отдал за это половину зарплаты. Ну третью-то часть, точно!..

Глава 5

– Му-урзик, дай воды! – раздался приглушенный голос из угла комнаты, где стоял низенький топчан.

Вот, стригучий лишай тебя раздери, все-таки перебрали они вчера! А ведь Рабинович практически трезвым выглядел, когда из таверны сбежал наверх, едва Моисею стоило появиться. Кто бы мог подумать, что с утра так страдать будет?!

– Му-урзик, умру ведь! – если бы где-нибудь присуждался приз за лучшее проявление жалости к себе, Сеня, без сомнения, этими стонами без проблем бы его заработал.

Ну где, скажи на милость, я тебе тут воду найду? Дома ты хоть пластиковую бутылку из-под крана с вечера набирал, пока еще относительно трезвый был. А здесь я тебе чем помочь могу? В колодец прыгнуть? Или крокодилом из Нила водицы начерпать? У меня же, в конце концов, рук нет, чтобы с кувшинами по ступенькам бегать!..

– Гад ты, Мурзик, – констатировал Рабинович и сел на своем спальном ложе, которое обещал превратить в смертный одр.

Вот всегда так. Наобещает с три короба, а выполнять не собирается!.. Шучу, конечно. Скажите на милость, какая мне от мертвого хозяина польза? Квартиру в наследство он мне не оставит, Попову не передаст, так как с котяркой его мамочки мы ужиться под одной крышей не сможем. Впрочем, как и с любым другим. Ну, а к Ванюше я и сам не пойду – помните, наверное, что я вам про его тещу рассказывал. Вот и останусь я сиротой без кола и без двора. Чистейший собачий бомж, которых на каждой помойке – хоть пруд пруди. Правда, во время заготовки мяса для привокзальных пирожков их поголовье уменьшается, и я, при удачном стечении обстоятельств, мог бы себе вполне приличное жилище отыскать – поломанный холодильник без дверки, например, – но такой образ жизни не по мне.

Впрочем, не только поэтому я стараюсь хозяина беречь. Не поверите, но привязался я к нему со всем его жлобством и альфа-лидерством! Так привязался, что хоть к губернатору меня на ПМЖ зови, хоть к президенту Киргизо-Ичкерии в министры внутренних дел, ни за что не соглашусь и Рабиновича своего не брошу. Непутевый он. Пропадет без присмотра!

Вот и вчера, например. Ведь только за мемфисским пивом, гад, клялся, что ни за что не станет влиять на ход событий в прошлом. Так нет, дважды позволил себя в истории втянуть. Или, если хотите, в Историю, поскольку в древних веках мы уже немало наследили. Правда, в первом случае, во время соглашения с Нахором, побудительной причиной Рабиновичу послужила вечная жадность и страсть к наживе, а во втором – стремление побыстрее отвязаться от надоедливых египетских Маркса и Энгельса – Моисея с Аароном, – но сути дела это не меняет. Простому еврею еще, может быть, и позволительны такие слабости характера, но вот Сене нет. Все-таки он у меня не просто еврей, а еврей на службе государства Российского! Мент, одним словом.

Я, конечно, не берусь утверждать, что в органах внутренних дел служат исключительно евреи – я ведь пес, если вы помните, – но изменять прошлое даже такому существу, как российский мент, законами не позволено. К чести Сени, стоит сказать, к уговорам Моисея он поначалу отнесся стойко, но, увидя его непреклонность, два старца развели жуткую бодягу: «Помогите нам. Вы чужестранцы. Вы много повидали. Расскажите фараону о свободе религии и вероисповедания!» Тьфу, гав, блин, даже до сих пор вспоминать противно то, о чем они Рабиновичу говорили.

Поначалу Сеня держался геройски, не поддаваясь уговорам старцев. Он категорически отказывался влезать в их дела, предлагая Моисею с Аароном решать религиозные проблемы самостоятельно, но те не хотели отступать. Милейшие дедушки уверяли Рабиновича, что ему на аудиенции даже рта раскрывать не придется. От моего хозяина требовалось простое при-

существование да подтверждение всего, что будет говорить фараону Аарон. Они так горько плакали и стонали, что мне от их воплей захотелось взвыть, а Сене, судя по всему, – посыпать голову пеплом, надеть грубый балахон, выкопать землянку на берегу Нила и объявить себя отшельником, предварительно выставив у входа пулемет как предостережение для излишне назойливых Моисеев.

Вот тогда я первый раз пожалел, что Сеня воспитан не под забором и дать по зубам немощным старцам не может. Два брата-супостата тоже это поняли и мгновенно докатились до шантажа. Кряхтя и стона, они заявили, что встанут на колени перед входом в кабак и не уйдут до тех пор, пока Рабинович не удовлетворит их просьбы. После этого Сеня выкинул белый флаг, и теперь я совершенно не представляю, чем несчастной Истории может грозить его поход к фараону. Впрочем, утешает одно – по крайней мере, хорошего от этой затеи ждать точно не приходится!

Похоже, Рабинович и сам был точно такого же мнения. Я прямо-таки видел, как в его голове вертятся несмазанные алкоголем шестеренки, пытаюсь найти стопудовую причину его отказа от похода во дворец. По-моему, он докатился даже до того, что решил симулировать сыпной тиф и перепугать половину Мемфиса, разогнав его жителей по пустыне, но потом одумался. Кто знает, как в Египте поставлена борьба с эпидемиями? Может быть, получив известия о заразном больном, местные люди в белых халатах не станут церемониться и тратиться на вакцины, а просто подопрут двери трактира бревнами и сожгут его к кошачьей матери?! Оказаться в роли жаркого Рабинович явно не хотел, а умнее тифа ничего не придумал. Поэтому Сеня встал с кровати и, почесывая голый живот, в одних трусах поплелся в комнату Попова. Я, естественно, пошел следом. Все-таки я биограф, а не кот из подворотни. Мне в центре событий находиться положено!

Попов спал, свернувшись калачиком, словно щенок в коробке. При этом он так жадно почмокивал губами, что, честное слово, будь я суч... скажем, самкой, то не удержался бы и засунул ему титьку в пасть. Сению ни отцовские, ни материнские чувства не одолевали, поэтому он просто отвесил Андрюше подзатыльник, а когда тот подскочил на кровати и ошалело уставился на непрошенных гостей (то бишь, на нас с Рабиновичем), мой хозяин поинтересовался:

– И какого хрена ты спишь до сих пор, свинья ленивая? Эликсир за тебя Мурзик будет делать?

В первую секунду Андрюша совершенно не понимал, что происходит вокруг, кто к нему пришел и чего, собственно говоря, от него хотят получить еще до завтрака? Впрочем, соображал он быстро, да и просыпался легко. Поэтому уже через секунду смог трезво (ой ли?!) оценить обстановку и быстро покрылся от злости красными пятнами.

– Ты охренел, Рабин! – констатировал эксперт и запустил в Сению тяжелым берцом. С правой ноги, между прочим!

Не знаю, то ли Сеня увернулся, то ли Попов в него не попал, а может быть, милиционерскому ботинку просто перспектива стыковки с полупьяной и небритой мордой Рабиновича не понравилась, но пролетел он мимо головы моего хозяина, ударился о стену и свалился вниз, едва не придавив мне хвост. Я, естественно, обругал Попова за такую встречу.

– А ты, Мурзик, лучше вообще заткнись! Подхалим несчастный, – от такого необоснованного обвинения я даже дар речи потерял. А то такого бы фитиля в Андрюшину гортань вставил, что тот целый месяц ощущал бы себя бракованным куском динамита.

– Идите отсюда, гады, и до завтрака чтобы я вас не видел! – продолжал орать Попов, даже не заметив, чем для него оскорбления в мой адрес могли обернуться. – Иначе, Сеня, честное слово, сбегу к кузькиной матери. Посмотрим тогда, как вы отсюда выбираться будете!

– Ну так жри быстрее, – буркнул мой Рабинович, стараясь не терять лица, но апартаменты Попова все же покинул.

Несколько секунд я сверлил Андрюшу укоризненным взглядом. Однако после ухода моего хозяина меня лично он и замечать не хотел. Естественно, я на такое пренебрежение обиделся и дал себе слово, что открою как-нибудь Жомову с Сеней, как эксперт у них водку ворует, когда те на мои вопли отвлекаются. Двумя ударами задних лап я собрал в кучу половик у порога (это один из мягких собачьих способов выказать людям пренебрежение их умственными способностями), а затем поспешил следом за хозяином. Все-таки, помимо описания его жизни, я еще обязан и охранять Рабиновича от разных непредвиденных случайностей!..

Потоптавшись в коридоре, Сеня решил заглянуть в комнату к Жомову и страшно удивился, не застав его там. Видимо, решив, что Ваня с раннего утра убежал в кабак и сейчас опохмеляется в одну харю, мой Рабинович помчался вниз, даже забыв о том, что из форменной одежды на нем только милицмейская фуражка... И куда помчался, интересно? Мог бы и у меня спросить, где Жомов находится. Ведь меня, в отличие от Сени, ни слух, ни нюх не подводили.

Влетев в кабак и не найдя там ни Жомова, ни кого-либо еще, Рабинович в нерешительности остановился, совершенно не предполагая, где еще можно найти омовца. Могу поспорить, что в первую очередь мой хозяин подумал о винном погребе, но я решил его не томить и с радостным лаем (дескать, потерянного сто лет назад друга наконец-то нашел!) бросился к выходу из трактира. Сеня сразу забыл о погребе и поспешил следом за мной.

Зрелище, каковое мы увидели во дворе мемфисской гостиницы, было еще то! Ваня Жомов, по пояс голый, приседал напротив двери с огромным бревном на плечах. Местная обрванная детвора облепила все щели в заборах, чтобы вдоволь насладиться зрелищем странных забав чужеземцев, впитать их в кровь и, если гены позволяют, передать затем потомству. Ну а рядом с огромным омовцем, в точности повторяя его движения, но не с бревном, а двумя поленьями на плечах, занимался приседаниями не кто иной, как Иисус Навин. Рабинович от неожиданности поперхнулся слюной и застыл в дверях.

– И ты, Брут?! – только через несколько секунд смог выдавить из себя фразу мой хозяин. – Я же предупреждал всех, чтобы с местными никто из вас не связывался.

– И тебе доброе утро, Сеня, – обиженно буркнул Жомов, не прекращая упражнений. – Согласен, ты предупреждал. Но пока ты шляешься там по всяким базарам и фараонам, нужно же мне чем-то заняться? Вот и научу парня уму-разуму, чтобы он от всяких чурок по углам не шарахался, – Жомов подкинул бревно вверх под восторженные вопли мальчишек и тут же поймал его. – Может, присоединишься к нам?

– Был бы ум, помер бы от дум, – буркнул Рабинович. – Ну а Ване зашибись. Нет мозгов и в рот... – в этот момент Сеня наконец-то рассмотрел множество молодых умов вокруг, еще не совращенных с пути истинного ментовским матом, и, махнув рукой, не закончил фразу. Затем сплюнул на песок двора и, круто развернувшись, скрылся внутри таверны. Да-а, похоже, утро у нас не сложилось!..

Несколько секунд я раздумывал, идти мне следом за Рабиновичем или нет, а затем решил махнуть на него хвостом. Все-таки я ему друг и соратник, а не нянька какая-нибудь! Сейчас их сиятельство начнет по постоялому двору бегать и тумачи всем отвешивать, а мне на таком «развлечении» присутствовать не хотелось. Потому как знаю, что, когда моему Сене уже некого будет в трактире гонять – кто умнее, разбегутся, а остальные впадут в коматозное состояние, – хозяин сразу за меня примется. Начнутся истерики с выкриками всяких гадостей, вроде «сидеть», «лежать», «место» и тому подобное. А оно мне надо?

Успокоится Сеня только тогда, когда его Нахор на базар поведет. А поскольку я уже знаю, что очень немногие народности с ментами по части выпивки потягаться могут (персы в их число никак не входят!), то пробуждения караванщиков следует ждать не раньше, чем через пару часов. Да и то, если мой Рабинович на них как следует насыдет! Вот я и решил немного по Мемфису прогуляться. На кобелей посмотреть да себя показать. Может быть, местную породу придется облагородить слегка...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.